

Владимир
Бушин

На службе
Отечеству!

Классика
русской
мысли

Классика русской мысли

Владимир Бушин
На службе Отечеству!

«Алисторус»

2010

Бушин В. С.

На службе Отечеству! / В. С. Бушин — «Алисторус»,
2010 — (Классика русской мысли)

Огромный талант Владимира Сергеевича Бушина давно снискал себе тысячи поклонников и не только потому, что его обладатель известен своим великолепным литературным стилем, остротой и глубиной в изложении материала, точностью в мельчайших деталях, но и за его мужественную гражданскую позицию. Защита Отечества – так можно кратко обозначить главную цель жизни и творчества Бушина. Сын офицера, внук солдата – ветерана русско-японской войны, Владимир Бушин и сам защищал нашу Родину: с осени 1942 года – он на фронте, в составе 54-й армии прошел путь от Калуги до Кёнигсберга, а потом в Маньчжурии воевал с японцами. На фронте он вступил в коммунистическую партию и остался верен ей до сих пор. В своих работах В.С. Бушин последовательно защищает советское прошлое, презрительно относясь к антисоветчине. Он выступает с критикой таких российских политиков и общественных деятелей, как Н. Михалков, А. Яковлев, Е. Гайдар, Е. Евтушенко, Ф. Бурлацкий, А. Собчак, Г. Явлинский, Б. Ельцин, Д. Гранин, В. Солоухин, Л. Разгон, А. Солженицын, С. Говорухин, В. Шумейко, Э. Радзинский, В. Новодворская, Г. Бурбулис... В предлагаемой вниманию читателей книге собраны лучшие статьи В.С. Бушина за последние годы, которые по праву позволяют причислить его к классикам русской мысли.

© Бушин В. С., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Предисловие от издательства	5
Суд истории. Навет на великую победу	7
Акция «вторая мировая»... «Правдюки» о войне	7
Преемники Йозефа Геббельса. Вид на войну из окна министерства пропаганды	37
Сталин и война. Минное поле клеветы	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Владимир Сергеевич Бушин

На службе Отечеству!

Предисловие от издательства

В книге, представленной вашему вниманию, собраны произведения одного из лучших российских авторов Владимира Сергеевича Бушина – известнейшего писателя, публициста, литературного критика и фельетониста.

Если коротко охарактеризовать главную цель и смысл жизни Владимира Бушина, то их можно определить одной фразой: «Служение Отечеству». Жизненный путь В.С. Бушина примечателен и славен. Владимир Бушин родился в 1924 году в селе Глухово Богородского уезда Московской губернии в семье офицера и медсестры. Мать в молодости была работницей на ткацкой фабрике Арсения Морозова. Отец после окончания реального училища поступил в Алексеевское офицерское училище и окончил его в 1916 году. Ранние годы детства Бушин провел в доме деда – ветерана русско-японской войны, председателя колхоза им. Марата в деревне Рыльское Тульской области на Непрядве, недалеко от Куликова Поля.

Школу Владимир Бушин окончил в Москве в 1941 году, за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. С осени 1942 года он на фронте. В составе 54-й армии прошел от Калуги до Кенигсберга. На территории Маньчжурии принимал участие в войне с японцами.

Награжден орденом Отечественной войны, медалью «За отвагу», медалью «За боевые заслуги», медалью «За взятие Кенигсберга», медалью «За победу над Германией», медалью «За победу над Японией».

На фронте В.С. Бушин вступил в Коммунистическую партию и остался верен ей, верен идеалам коммунизма даже в те времена, когда многие партийные деятели отrekliсь от КПСС, а идеи коммунизма подверглись осмеянию и шельмованию...

После войны Владимир Бушин закончил Литературный институт им. А.М. Горького и Московский юридический институт экстерном. Печататься В.С. Бушин начал еще на фронте, публиковал свои стихи в армейской газете «Разгром врага». После окончания литинститута работал в «Литературной газете», «Литературе и жизни» («Литературная Россия»), журналах «Молодая гвардия», «Дружба народов». Опубликовал несколько книг прозы, публицистики и поэзии: «Эоловы арфы», «Колокола громкого боя», «Клеветники России», «Победители и лжецы», «В прекрасном и яростном мире» и др.

В 1980-х годах Владимира Бушина несколько лет не печатали из-за его критической статьи о творчестве Б. Окуджавы.

С 1987 года В.С. Бушин публикуется в газетах патриотического направления: «День», «Завтра», «Советская Россия», «Правда», «Патриот», «Молния», «Дуэль» и других изданиях. В своих работах последовательно защищает советское прошлое, крайне враждебно характеризует антикоммунистических деятелей, особенно Солженицына. В 2008—2009 годах в газете «Правда» вышел ряд статей, посвященных телепроекту «Имя Россия» и его участникам, а в 2009 году в газете «Завтра» – цикл статей с критикой фильма «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова».

Как фельетонист он выступил с критикой ряда российских политиков и общественных деятелей. В частности, критике подвергнуты деятельность Н. Михалкова, А. Яковлева, Е. Гайдара, Е. Евтушенко, Ф. Бурлацкого, А. Собчака, Г. Явлинского, Б. Ельцина, Д. Гранина, В. Солоухина, Л. Разгона, А. Солженицына, С. Говорухина, В. Шумейко, Э. Радзинского, В. Новодворской, Г. Бурбулиса.

* * *

С издательством «Алгоритм» у В.С. Бушина давние и прочные связи; это один из самых талантливых и популярных авторов издательства. Его книги выходили у нас многотысячными тиражами и составляют золотой фонд «Алгоритма». Начав серию «Классика русской мысли», мы не могли, естественно, обойти вниманием творчество этого писателя, – тем более что постоянно получаем письма читателей с просьбами опубликовать антологию произведений Владимира Сергеевича Бушина.

Не сомневаемся, что данная книга станет хорошим подарком для поклонников блестящего таланта В.С. Бушина. Пожелаем им приятного чтения.

Суд истории. Навет на великую победу

*Я обязан был написать эту книгу от лица ушедших и живых
фронтовиков*
В. Бушин

Акция «вторая мировая»... «Правдюки» о войне

Вот как совпало! Один за одним я получил два замечательных подарка. Писатель В.С. Геманов, в прошлом моряк-подводник, прислал мне из Калининграда свою книгу-исследование «Александр Маринеско», а за ней получаю из Ленинграда от участника Великой Отечественной войны капитана первого ранга К.М. Сергеева, тоже подводника, его книгу о другом знаменитом собрате – о Николае Луние, вышедшую в московском издательстве «Яуза». Сердечное спасибо, товарищи. Тем более что подводником я никогда не был.

О Маринеско мне доводилось и читать, и слышать немало. А в начале года о нем и телефильм прошел, где для удобства махинаций он назван Марининым. Это они насобачились: назовут Симонова – Семеновым, Серову – Седовой, Маринеско – Марининым и вытворяют все, что взбредет им, бездарным пошлякам, на тощий ум. Этот фильм, где пошло все, начиная с названия «Первый после Бога», смастачил Василий Чигинский. О фильме, но, к сожалению, не об Александре Ивановиче Маринеско убедительно писал в «Дуэли» Дм. Пучков.

Поскольку о Луние я знал меньше, то первой открыл книгу о нем. И вот какое опять совпадение. Чуть ли не в этот же день вечером услышал по телевидению: «Подводная лодка под командованием капитана Логина атаковала двумя торпедами немецкий линкор «Тирпиц»...»

Да, 5 июля 1942 года подлодка «К-21» атаковала этот один из новейших тогда и мощнейших вражеских линкоров, заставив его отказаться от намерения перехватить английский конвой PQ-17 и вернуться на базу, но, во-первых, не двумя, а четырьмя торпедами, а главное – при чем здесь какой-то Логин? Лодкой командовал Герой Советского Союза кавторанг Лунин.

Слушаю дальше: «Попали торпеды в «Тирпиц»? Скорей всего, нет. Сам Лунин не утверждал, что торпедировал, а говорил, что только «произвел залп». Это почему же нет? Вот в книге К.М.Сергеева официальный служебный «Отчет командира и комиссара ПЛ «К-21» Северного флота о боевых действиях за время с 18 июня по 9 июля 1942 года». Тут Лунин черным по белому писал: «В 17.50 (немецкая) эскадра повернула «все вдруг», и линкор «Тирпиц» оказался идущим на лодку с его курсовым левого борта 5—7 градусов. Опасаясь срыва атаки, развернулся на кормовые торпедные аппараты и в 18.01 произвел четырехторпедный залп... Попадание двух торпед при атаке ЛК «Тирпиц» считаю достоверным» (с. 140, 142).

Достоверным! Что ж получается? Автор телепередачи не только путает имена наших прославленных героев войны, но и врет на них. Почему? Зачем? И что за передача?

Это 90-серийный телефильм «Вторая мировая война. Русский взгляд» трех авторов: журналиста Виктора Правдк в содружестве с Андреем Терещуком и Кириллом Александровым, объявленных историками. Фильм шел по государственному каналу ТВЦ больше года – начался в юбилейном мае, окончился 22 июня. Как понимаете, выбор дат многозначителен. За время вшивой демократии это самая широкомасштабная ее акция о Великой Отечественной войне.

Кто же авторы? Первый из них более всего известен был ранее тем, что в давней программе Ленинградского телевидения «Пятое колесо» долго и увлеченно с «Тихим Доном» в руках топтался на могиле Михаила Шолохова. Сразу недоумение: и у такого-то человека – «русский взгляд»? Двое других соавторов украшением вертограда Господня тоже не стали... По своей сути они мало чем отличаются друг от друга, и каждый истово клянется, что нет для

него ничего дороже, чем святая правда, поэтому в дальнейшем для простоты я буду порой всех называть как бы родовым именем – «правдюками». 90 серий этих суперрусских правдюков дают материал для 180 увлекательнейших статей в духе армянского радио, но я постараюсь уложиться покороче.

* * *

Что подвигло трех дотоле почти неведомых деятелей на создание столь грандиозной киноэпопеи (ведь это повествование «день за днем» о событиях на всех театрах военных действий Второй мировой!)? Два благороднейших чувства, говорят они: великая любовь к русскому народу и неукротимая ненависть к его врагам, к написанной ими лживой истории России и Отечественной войны. Что ж, прекрасно!

Начнем с ненависти... Впрочем, надо сказать, что авторы ведут речь не только о войне 1941—1945 годов, они щедро снабжают нас множеством сведений и о других событиях, о нашей стране в целом и до войны и после.

Так, устами одного беглого антисоветчика в фильме сказано, что «за 25 лет большевики превратили страну в заурядную азиатскую деспотию». И добавлено: где все держалось на страхе. Мало того, в стране, где они родились и прожили большую часть жизни, «главное (!) состояло в том, что общество держалось насилием» (35-я серия).

Очень интересно! Но зачем было тревожить тень почившего беглеца? Можно было сослаться хотя бы на ныне здравствующего критика Бенедикта Сарнова. Тот просто говорит, что это была не страна, а фашистская срань. И о страхе без конца: «страна повального страха... только страх, ничего, кроме страха». Ах, как жаль, что все это не показано на примере хотя бы собственных биографий: как насильно погнали в школу, как палкой заставили вступить в комсомол, как угрозой каторги вынудили окончить вуз, как под страхом расстрела приневолители жениться, рожать детей и т. д. Деспотия же азиатская – в ней все возможно! А кроме того, всюду всегда во всем в стране царили ложь, обман, фальсификации. Вот только они трое почему-то и выросли неколебимыми правдолюбями. Загадка века.

А кроме повсеместного насилия и обмана, говорят, еще и постоянный голод. Да, известно, был голод в результате 6—7 лет сперва Германской, потом Гражданской войн и разрухи, а потом – еще лет через десять. Два голодных года за 75 лет, увы, были. Но интересно, а как обстояло дело на сей счет в дореволюционной России, которую они благоговейно-восторженно именуют «императорской»? Даем справку: в XVIII веке голод приходил в императорскую 34 раза, в XIX – свыше 40. Но возьмем для наглядности сравнения тоже 75 последних лет царизма. Вот годы особенно крупных голодоморов: 1845—1846, 1851, 1855, 1872, 1891—1892, 1901, 1905, 1906, 1907, 1908, 1911—1912. Одиннадцать голодных лет! Причем размах голода все время расширялся: 5—10—20—30—50 губерний. А в 1911—1912 годах, накануне Трехсотлетия дома Романовых, столь пышно отмечавшегося, голод охватил 60 губерний. Эти данные взяты не из «Краткого курса партии», а из энциклопедии Брокгауза и Эфрона, изданной еще в императорской России.

Можно добавить, что при царизме голодные годы нередко следовали один за другим, например, четыре года подряд с 1905 по 1908-й. Императорская власть была бессильна предотвратить бедствие, даже зная о его угрозе. В советское время иная картина и в этом смысле: голод ни разу не вышел за пределы одного года. Больше того, в 1924 году неурожай поразил те же районы, что и в 1922-м, но благодаря своевременно принятым мерам голода в азиатской деспотии не было.

* * *

А вот еще и такой довоенный сюжетик: «Когда случилась катастрофа с пароходом «Челюскин», американцы предлагали использовать свою полярную авиацию на Аляске. Но оказалось, что рядом с пароходом в лед вмерзла баржа с заключенными, и американцы, не дай бог, могли увидеть этот памятник советскому беззаконию».

Ах вот как! Однако же хотелось бы знать, каким образом эта баржа почему-то оказалась в полярных широтах среди льдов, которые большой пароход раздавили, а ее, утлую, не смогли? Как баржу, набитую, конечно же, незаконно осужденными правдюками, занесло туда? Ведь она своего хода не имеет. Куда девался буксир? Что, хотели истребить заключенных? Да ведь существует множество гораздо более простых способов, как и способов гораздо более правдоподобно врать. И наконец, при желании американцы могли, и не спасая челюскинцев, провести о «памятнике беззакония» и даже сфотографировать его. Почему не захотели?

Но главное в другом: эти энтузиасты правды, будучи порожденцами нынешней поры, путают эпохи, смотрят на 30-годы глазами нынешних трепачей. Это сейчас как случится у нас какая авария, властители голосят: «Американцы, помогите!.. Англичане, спасите!.. Япошки, что же вы?..» Сами-то ничего не могут, все средства спасения разбазарили, раздали абрамовичам-якубовичам. Вот и бегут нам на помощь за хорошие денежки со всего света... А тогда такой нужды мы не знали. Советская авиация и наши летчики были лучшими в мире. Не американцы из Вашингтона через Северный полюс прилетели в СССР, а Чкалов и Громов с товарищами один за другим – из Москвы через Северный полюс в Америку. К изумлению и ликованию всего мира – 12 тысяч километров без посадки и дозаправки!.. Уж не говорю о наших перелетах из Москвы на остров Удд, что на Дальнем Востоке, и о других достославных делах той поры. Да, был у американцев Чарльз Линдберг, перелетевший из США во Францию. Так это ж всего 5800 километров за 33 часа 30 минут, а у нас даже женский экипаж во главе с Валентиной Гризодубовой немного позже одолел 6500 километров за 26 часов 29 минут.

Так на кой же хрен нам нужны были американцы? Мы сами еще в 1928 году спасали экспедицию на Северный полюс Умберто Нобиле, который после этого четыре года не мог расстаться с СССР.

И все 104 челюскинца были спасены да еще собачка. А кто не знает этих американцев? Вот сейчас в Ливане мы спасали без различия гражданства и национальности всех бегущих от израильской агрессии, а янки драли с каждой спасенной души по три тысячи долларов. Они тогда и за собаку потребовали бы плату! И последнее: откуда творцы взяли эту баржу? Почему 70 с лишним лет о ней никто, кроме Солженицына, не слышал?

* * *

Правдюки не одиноки, конечно, в своих усилиях наделить прекрасное Советское время чертами убожества нынешних дней. Учителей этого у них много, один из самых бесстыжих – Гайдар Третий. Выступая по НТВ в связи с очередной годовщиной ГКЧП, этот жиртрест убеждал зрителей, что в 1991 году Советская страна катилась в пропасть, и спасти ее удалось только благодаря мудрым и решительным реформам под его руководством. Очень прекрасно! Только это был уже шестой год антисоветских и антинародных, но не всегда решительных реформ.

А вот как начались сплошь решительные, гайдаровские, так страна и покатилась: за девять лет после гайдаровского импульса число самоубийств от веселой жизни увеличилось в полтора раза (39,1 тыс. – 56,9 тыс.); число убийств – в два (21 тыс. – 41,1 тыс.); смертность от почти забытого туберкулеза возросла едва ли не в три раза (11,7 тыс. – 29,8 тыс.); за семь лет заболеваемость сифилисом увеличилась в 50 раз...

Эти и подобные им гайдаровские достижения привели и к резкому росту общей смертности, и к катастрофическому падению рождаемости, и к уменьшению средней продолжительности жизни, не достигающей у мужчин даже пенсионного возраста.

Конечно, все это никак не коснулось таких, как сам Гайдар, который ныне, будучи невежественным газетным треплом, возглавляет какой-то институт. В этот же день, 19 августа, даже в те же часы, когда Гайдар красовался на телеэкране в облике спасителя России, его нежно любимый сын на нашей самодельной поселковой сцене блистал в чеховской «Чайке» в роли Треплева. Какая безмятежная лучезарная юность! И, зная, не ведает в свои шестнадцать лет милый Павлуша, что его папочка сделал все от него зависевшее, чтобы пустить по миру 3 миллиона беспризорников.

* * *

А если так уж Правдюку хотелось поведать нам нечто трагическое непременно о барже с невинными жертвами, то мог бы взять сюжет гораздо более близкий и по теме – война, в историю которой он вляпался! – и по времени, и по месту действия – Крым, откуда он родом. Вот: «4 декабря 1943 года на станцию Севастополь прибыли из Керчи три эшелона раненых военнопленных. Загрузив ими баржу водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте, немцы подожгли ее... Тысячи человек погибли в огне» (Нюрнбергский процесс. М., 1990. Юридическая литература. Т. 4, с. 118).

Дальше: «На другой день на такую же баржу погрузили 2 тысячи раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в море, и находившиеся на ней раненые были утоплены» (там же).

Что ж вы, Правдюк, умолчали об этих документально зафиксированных баржах с русскими пленными? Почему предпочли им антисоветскую фантазмагорию? Таков ваш русский взгляд?

Конечно, многие события и факты авторы не знают просто по молодости лет. В самом деле, главному из них всего-то лишь под семьдесят. Что за возраст для мыслителя! Потому и заявляют, например, если начать с частных: известный летчик Борис Сафонов, погибший в 1942 году, был первым в стране дважды Героем Советского Союза (серия 40). Откуда им знать, что еще до войны было несколько дважды Героев: полярник И.Д. Папанин (1937, 1940), генерал-лейтенант авиации В.Я. Смушкевич (1937, 1939), генерал-лейтенант авиации Г.П. Кравченко (обе Звезды получил в 1939-м).

Был еще Кравченко Андрей Григорьевич, генерал-полковник, тоже дважды Герой, но уже военного времени. О нем упоминается в фильме так: «В многочисленных учебниках истории пишут: «В Умани войска Конева захватили до двухсот исправных «тигров», «пантер» и «фердинандов». На самом деле в марте 1944 года на всех(!) фронтах вермахт потерял только 19 «пантер», 28 «тигров» и 3 «фердинанда». Так у нас до сих пор пишут историю войны», – негодуют правдолюбивые юноши, горя желанием исправить историю.

Какие молодцы, и какой доблестный вермахт! Но непонятно, откуда эти цифры, а главное – почему же немцы при таких небольших потерях в те дни так стремительно драпали, оставляя и Умань, и Жмеринку, и Винницу, и много других городов.

С другой стороны, как говорят, «6-я танковая армия генерала Кравченко с 6 по 10 марта, всего за четыре дня, потеряла 133 танка и САУ из 153», т. е. осталось только 20 боевых машин. Какой растяпа Кравченко! Но здесь еще больше вопросов. Во-первых, что это за танковая армия, в которой только 153 машины? В армиях их число в ту пору доходило до 1000. А тут нет и дивизии, обычно насчитывавшей около 200 машин.

Неприятно огорчать молодых людей, но приходится сообщить, что 6-я армия начала Уманьско-Ботошанскую операцию, о которой они завели речь, имея 562 машины. Но если

осталось только 20 танков, то опять же очень интересно, как с такими ничтожными силами генерал Кравченко продолжал стремительное наступление в составе 2-го Украинского фронта, который, разрезав группу армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна, разбив 8-ю армию, преодолев шесть рек и пройдя за полтора месяца 200—250 километров, 26 марта 1944 года вышел к госгранице и вступил на территорию Румынии. Между прочим, в числе форсированных рек были Прут и Серет. Мы тогда так и говорили: если русские на Прут, то румын на Серет. Впрочем, тогда уже не только румын.

И наконец, последнее: за что же 6-я танковая вскоре получила звание гвардейской, а сам Кравченко – третью генеральскую звезду на погоны и две Золотые Звезды Героя? Это ведь не нынешнее время, когда главой правительства назначали газетного свистуна Гайдара, звания генерал-полковника удостаивался Степашин, едва ли отличающий атомную бомбу от керосинки, а пятимиллионная премия по литературе была выдана Ахмадулиной, стихи которой, пожалуй, и в правительстве и в парламенте никто не знает.

Этот сюжетик с 6-й танковой характернейший для фильма: всюду мы несем чудовищные потери, немцы то и дело выходят сухими из воды и крови, а в итоге совершенно непонятно, как же нам удалось загнать их в Берлин и сказать: «А ну, гад, подписывай капитуляцию». И Кейтель, крикнув, подписал.

* * *

Будучи фирменными патриотами, создатели телефильма «Вторая мировая. Русский взгляд» очень много говорят о любви к отечеству. Например, уверяют, что, только когда началась война, «большевики под угрозой нашествия превратились в партию патриотизма» (серия 85) и «сначала вернули армии гвардию, потом все больше и смелее стали говорить о русских полководцах» (серия 35).

Смело! Ну, это они, видимо, так Г.Зюганова интерпретировали. Он однажды сказал: «Сталин вспомнил об истории наших предков и наших славных полководцах, только когда Гитлер подошел к стенам Москвы... В какие-то немыслимо короткие сроки были поставлены прекрасные спектакли и фильмы об Александре Невском, Димитрии Донском, о Куликовской битве. Тем самым удалось оживить в народе историческую память».

До этого память, видите ли, была мертва, а когда немцы оказались под Москвой, народ помчался в кинотеатры оживлять ее. Куда же еще! Ведь КПРФ тогда не было. А на самом деле Сталин был несколько расторопней, чем думают о нем иные нынешние философы и борцы. Еще 19 июля 1934 года в имевшей, по сути, директивный характер записке для членов Политбюро о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» он дал корректный, но жесткий отпор оскорбительным выдумкам о русской истории.

Что же до фильмов, то «Александр Невский» был поставлен не в немыслимой спешке декабря 41-го года, а в 1938 году, «Петр Первый» – еще раньше. А до этого фильма советские люди зачитывались одноименным романом Алексея Толстого, а также – романами Сергея Бородина «Димитрий Донской», поэмами Константина Симонова «Ледовое побоище» и «Суворов», романом Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», тут появилась и пьеса Владимира Соловьева «Фельдмаршал Кутузов»...

А гвардию вернули армии не «сначала», а в сентябре 1941 года, т. е. после того, как еще в 1935 году вернули маршальское звание, в 1940-м – генеральское, и после того, как во весь голос «заговорили о русских полководцах»...

Но опять же откуда правдюкам все это знать – вы видели их физиономии? Вы можете представить их читающими что-нибудь, кроме Радзинского, Млечина или гонорарной ведомости?

И еще потешаются они над тем, что, мол, Буденный и Тимошенко были кавалеристами (серия 35). Какое-де это ретроградство для Второй мировой войны! Так ведь и Жуков с Рокоссовским тоже кавалеристы, о чем можно бы догадаться по Параду Победы, где оба гарцевали на конях-красавцах, и драгоценный Черчилль окончил кавалерийскую школу, получив звание лейтенанта. И надо бы еще знать, что искусству танковых прорывов немецкий генерал Гудериан учился на опыте буденновской Первой конной. Кавалерия же была в той войне и у нас, и у немцев.

А за участие в Гражданской войне Буденного и Тимошенко заклеили «мастерами воевать против собственного невооруженного народа» (там же). Это почему же невооруженного? У денкиных и колчаков оружия хватало, цивилизованная Европа не скупилась. И в Красной Армии тогда служили не только эти двое. А мы слышим: «Чем больше в 1941 году оказалось бы участников Гражданской войны, тем хуже было бы. Но, слава богу, что на полях Отечественной войны выросли полководцы, ничем не напоминающие героев Гражданской» (серия 88). Увы, ораторы просто не понимают, о чем говорят. Ведь полководцы Великой Отечественной, ее маршалы, генералы, и были во многом именно «героями Гражданской». Например, из 43 командующих фронтами – 40.

Но почему же, как они считают, было бы хуже? А потому, говорят, что «Гражданская война была антирусской, и ее провозвестники не смогли бы перестроиться на войну против немцев». Ну, правильно. Со стороны царских генералов война, бесспорно, была антирусской, антироссийской. Уже по одной той причине она не могла быть иной, что заодно с этими генералами против Красной Армии воевали иностранные интервенты, которые еще и снабжали белые армии всем необходимым. Антирусская война ведется и сейчас, и опять с помощью прямых и тайных интервентов вроде Горбачева и покойных Ельцина с Яковлевым. На их стороне – многие газеты, телевидение и спецкоманда Правдюка. Но ведь во всякой войне есть две стороны, к вашему сведению. И Красная Армия всегда защищала страну от антисоветских и антирусских сил.

* * *

Подобным свидетельствам юности ума и духа нет конца. Поэтому пока вернемся к вопросу о страстях правдюков как о движущей силе их фильма о войне, прежде всего, – об их ненависти. Главные объекты ее – коммунисты, Советская власть, Ленин, Сталин, маршал Жуков и большинство высших военачальников Красной Армии. Да как же нам, русским патриотам, говорят, не подыхать от ненависти к коммунистам, коли у них была одна цель – уничтожить русский народ! (серия 65). А ведь едва ли не все командующие фронтами, армиями, почти весь офицерский состав были членами ВКП(б). «Вот почему мы славим не полководцев, а народ!» (серия 55).

Ну, правильно. Вот несколько убийственных и неопровержимых статистических данных о зверствах коммунистов. До революции в стране было 124 тысячи общеобразовательных школ, а к 1940 году коммунисты вздули их число до 200 тысяч. И это уже без Польши, Прибалтики, Финляндии. Зачем? Ясно, как Божий день: чтобы русские детишки, из которых раньше лишь часть училась, теперь бы чахли над книгами, тетрадями, над зубрежкой разных научных законов, правил да теорем. Число публичных библиотек за это же время коммунисты взвинтили с 14 до 95 тысяч. С той же русофобской целью: раньше люди на вольном воздухе лапти плели, а теперь портят зрение и сокращают свою жизнь за чтением. Такой же многоразовый рост учинили коммунисты и с больницами. Там-то, где разные шприцы да скальпели, пурген да касторка, легче всего человека к праотцам отправить.

Правда, смертность, особенно детская, в стране почему-то все-таки сильно уменьшалась, население, опять же безо всяких Польш, за семьдесят лет, несмотря на все тяготы и войны,

необъяснимо вымахало от 150 почти до 300 миллионов, а продолжительность жизни загадочно взметнулась от 32 лет до 72.

Или взять такой факт. 1918—1919 годы. Самый разгар Гражданской войны. А в это время Большой театр 23 раза приезжает со своими спектаклями в уездный городок Орехово-Зуево, Малый театр – 12 раз, МХАТ – 6. Вот изверги! Хотели задурить головы русским людям коммунистическим вздором Шекспира да Грибоедова, Гоголя да Островского, Мольера да Чехова...

Не верите приведенным цифрам? Расспросите писателя Владислава Бахревского, он человек осведомленный. Знает и о том, например, что основу хрестоматии по литературе для 3-го класса ныне составляют сочинения авторов, подобранных по какому-то загадочному признаку: М. Алигер, А. Барто, И. Бродский, В. Высоцкий, В. Драгунский, Ю. Мориц, О. Мандельштам, Д. Самойлов, Г. Сапгир, Б. Пастернак...

Нет, нет, есть и Тютчев – восемь строк, даже Твардовский – 6 строк. Видимо, такие хрестоматии одна из причин того, что министра образования Фурсенко писатель называет черным министром и национальным предателем. Таких эпитетов заслуживают и многие труженики эфира с русским взглядом. Тут важно подчеркнуть, что большинство названных в длинном списке поэтов, бесспорно, талантливы, интересны. Когда меня на моем вечере в ЦДЛ попросили прочитать по выбору одно стихотворение из русской классики и одно из советской поэзии, я с удовольствием прочитал «Пророка» Пушкина и «Гамлета» Пастернака. Но когда в школьном учебнике дается такая концентрация соплеменников Пастернака за счет русской поэзии, то это не что иное, как провокация антисемитизма.

* * *

А правдюки вот что еще с радостью поведали нам в антикоммунистическом раже: «В кубанском городе Ейске оккупанты сняли памятник Ленину...» Ну, не сняли, конечно, а сбросили, свергли, разрушили, – так они поступали повсеместно, что вполне естественно для свиньи, влезшей в чужой огород. «А на его место, – продолжает единомышленник этих свиней, – поставили бюст Пушкина» (серия 50).

Могло это быть? Теоретически – а почему нет? В многомиллионной армии оккупантов мог сыскаться и такой уникум. Ясную Поляну фашисты изгадили, могилу Пушкина в Святогорском монастыре заминировали, но не успели при бегстве взорвать, музей поэта в селе Михайловском Псковской области разгромили, в городе Пушкине Ленинградской области памятник Ленину «сняли» и отправили на переплавку в Эйслебен, но нашлись рабочие, которые спасли его и потом вернули в СССР, а памятник поэту использовали там как мишень для тренировки в стрельбе (обо всем этом в 90-серийном фильме – ни слова). Ну, а вот в Ейске кому-то из фашистов взбрело в голову отчубучить такое. Но что дальше?

А дальше Правдюк, восхищаясь оккупантами и стыдя сограждан, сказал голосом, дрожащим от восторга и гнева: «Пушкин против Ленина!.. Оккупанты сделали то, на что мы не отваживаемся до сих пор! Мы не можем убрать с наших русских улиц и площадей самого злейшего врага русского народа, истребителя и ненавистника русского народа...»

Я не из ленивых. Я обратился в Ейский историко-краеведческий музей с просьбой сообщить, каковы были итоги фашистской оккупации города. Директор музея Н.К. Выприцкий 19 декабря 2005 года в письме № 117 сообщил, что за время оккупации с 9 августа 1942 года по 5 февраля 1943-го от рук захватчиков погибло около 400 мирных жителей. 9—10 октября зондеркоманда СС 10-А умертвила в душегубках 214 больных девочек и мальчиков детского дома в возрасте от 3 до 15 лет. (Об этом жутком факте, называя ту же цифру, упомянул и маршал А.А. Гречко в книге «Битва за Кавказ» (М., 1967. С.209). Кроме того, в семи километрах от города, в Садах и в районе аэродрома, после освобождения было обнаружено 69 зарытых

трупов: 20 мужчин, 12 женщин, остальные дети от 1 года до 16 лет. Ущерб хозяйству городов в ценах 1943 года составил 6 212 000 рублей.

Вы понимаете, сочинитель, что означают все эти цифры и как вы со своим фашистом-пушкинистом выглядите на их фоне? Если не понимаете, то поясню. Я принял вашу крайне маловероятную байку о памятнике Пушкину. Так примите и вы мою гораздо более правдоподобную и вероятную версию: как раз против этого памятника фашисты и расстреливали жителей города.

А в последнем пункте своего письма тов. Выприцкий сообщал: «Памятники Ленину, установленные в городе в годы Советской власти (на Театральной площади и у Станкостроительного завода), стоят до сегодняшнего дня».

Надо полагать, правдюки ринулись бы ватагой туда свергать памятники, но разве дело только в Ейске! Памятники Ленину стоят в Москве и Ленинграде, в Дмитрове и Кашине, в Новосибирске и Курске, Екатеринбурге и Омске, Воронеже и Саратове, Ставрополе и Оренбурге, Брянске и Туле, Чебоксарах и Элисте, в Твери и даже на родине правдюковского любимца Собчака – в Чите и во многих других городах.

Мало того! В последнее время поставили вновь или возродили памятники Ленину во многих небольших городах и поселках: тут Сургут (Ханты-Мансийский АО), Белый (Тверская область), Качуг и Усть-Кут (Иркутская область), Новотроицк (Оренбургская область), Кильдинстрой (Мурманская область), Боборыкино (Челябинская область), Сангар (Якутия)... А в знаменитом алмазном городе Мирный в прошлом году вознеслись прекрасные памятники и Ленину, и Сталину. В Орле без труда собрали деньги на памятник Сталину, идет сбор подписей за его сооружение, но, конечно, сыскался местный Правдюк по фамилии Шкурятин (замглавы администрации города), который ложится костями поперек народной воли.

И если памятники царю Николаю или американскому наймиту Колчаку ставят власти или олухи, то Ленину, Сталину – простой народ, трудяги, такие, например, как бульдозерист Николай Андреевич Дьяконов из Боборыкино, как Николай Иванович Алексеенков и его жена Тамара Ивановна, жители Белого, которые откопали во рву брошенный местными правдюками бюст, отмыли, поправили, покрасили под бронзу и установили на своей улице Желтые Пески. И вблизи – представьте! – скоро поселились аисты, а к боборыкинскому Ленину в день свадьбы приходят сфотографироваться молодые. В Усть-Куте не бюст, а огромная фигура в три с лишним метра на двухметровом постаменте.

А ведь еще стоят памятники ненавистному правдюкам Дзержинскому в Ленинграде на Шпалерной, в Минске, а в Москве на Петровку, 38, возвращен его бюст...

Правдюки небось думают, что эти памятники ставят пенсионеры, вроде них, да отставники. Нет, отнюдь не всегда. Вот 27 октября прошлого года на Старую площадь в Москве, где обитает ныне никому ранее неведомый Полтавченко, получивший известность только после своего холуйского выступления в паре с Матвиенко за ликвидацию Мавзолея, явились активисты Авангарда Красной Молодежи (АКМ). Они несли портрет этого Полтавченко и транспаранты: «Только тронь, ползучий гад, – заживо отправим в ад!», «Ленин жив, а власть мертва, – ясно всем, как дважды два».

А тут еще «Советская Россия» сообщила, что телевидение Томска провело опрос зрителей, как они относятся к установленным в городе памятникам Пушкину, Чехову и Ленину. Так представьте себе, последний из названных с большим отрывом занял первое место по симпатии – 1063 голоса, что для областного города огромная цифра.

К тому же, в популярных газетах появляются письма вроде того, что прислал из Чебоксар деникинцу Никите Михалкову, магистру ритуальных услуг, Юрий Бусов: «Вы всегда жили лучше меня, ваш отец, Герой Труда, и ныне жив, а мой погиб, защищая Родину. Вы в восемнадцать лет снимались в кино, а я с восьми лет пахал, сеял, собирал урожай, а ел иной раз лебеду да крапиву, но выжил. Я 17 лет в армии прослужил. А вы сколько? У меня трудовой стаж 40 лет,

а пенсия – 2400. А вы сколько гребете? Мои брат и сестра получили образование, и квартиры нам достались без копейки. На своем «Запорожце» я не раз ездил к друзьям в Сухуми, теперь это – как сон. Вы, гнида, сейчас глумитесь над Лениным и теми, кто похоронен у Кремлевской стены. Но если вы, Познер да Сванидзе, Полтавченко да Матвиенко, Гайдар да Жириновский попытаетесь снести Мавзолей, я позову с собой тысячу друзей-единомышленников, мы явимся в Москву, и мало вам не покажется. Мы будем защищать Мавзолей до последнего вздоха. Я лягу костями перед Мавзолеем. А если случайно встречу вас (а личность-то ваша всем глаза намозолила), горло вам перегрызу. Я еще не стар. Так что только попробуйте...»

Думаю, правдюки, вы тоже получили уже такие весточки.

* * *

Недавно Немцов и Сорокин пророчествовали: «Россия страна мистическая. Все наши беды – от Мавзолея и памятников Ленину. Как только (по примеру фашистов. – *Авт.*) снесем их – так страна и воскреснет и расцветет!»

Это их мечтания. Но вот факты. В Сталинградской области в Нехаевском районе есть колхоз им. Ленина, который уже тридцать лет возглавляет коммунист Яменсков Георгий Васильевич. В центре села стоит памятник Ленину. И что же? Колхоз процветает. Как в советское время работают детский сад, школа, Дом культуры, баня, водопровод, хлебопекарня. В этом году планируют собрать не менее 100 тысяч центнеров зерна. Это сколько же приходится на каждого из 1200 едоков? А кругом разруха, деградация, вымирание. Из гибнущих соседних деревень люди приходят к Яменскову и умоляют: «Христа ради, возьмите к себе!» Это значит, под коммунистическо-колхозное, под ленинское крыло. Вот бы послать в этот колхоз правдюков топить баню или стадо пасти...

А еще есть примечательный колхоз в селе Торбаево Касимовского района Рязанской области, о котором недавно рассказал в «Правде» Анатолий Никитин. Его двадцать лет возглавляет Татьяна Михайловна Наумова. Это 370 тружеников, 5300 гектаров пашни, 59 тракторов, 40 автомашин, 3500 голов крупного рогатого скота, производят в основном картофель да молоко, остальное – невыгодно. Зарплата колхозников 7100 рублей, но у механизаторов, доярок и телятниц доходит до 8—10 тысяч. И школа есть, в которой учатся 225 девочек и мальчиков, и детский сад есть, где подрастают ныне 42 юных персоны, а плата за каждую чисто символическая, как в Советское время. А не сегодня – завтра пойдут в детсад еще 36 юных душ, родившихся за последний год.

К чему это я? А к тому – чтоб вас, правдюки, вместе с Немцовым да Сорокиным приподняло да шмякнуло! – колхоз-то опять имени Ленина. И в Рязанской области сыскались, конечно, правдюкообразные, которым это спать не давало, а когда засыпали, то снилось им, что колхозу дали имя Абрамовича и перед правлением поставили памятник Хакамаде в позе Екатерины Второй, как ее в последний час ее жизни изобразил Пушкин. Но когда, говорит Татьяна Михайловна, колхоз стал одним из лучших в области, продукция его стала известна и за ее пределами, название хозяйства стало, как ныне модно говорить, узнаваемым брендом, только тогда дюкообразные угомонились. Вот так: имя Ленина – бренд, знак качества!

И это несмотря на свиное рыло демократии: в Советское время колхоз сдавал молоко по 24 копейки за литр, а бензин стоил 6 копеек, сегодня молоко сдается по 6 рублей, а за бензин надо платить 20 рублей. Т. е. раньше молоко было в четыре раза дороже бензина, и это было закономерно, естественно, а теперь бензин в три с лишним раза дороже молока. Это – нынешняя ельцинско-путинская экономика – разум, вывернутый наизнанку Гайдаром и Чубайсом, Грефом и Кудриным.

Татьяна Михайловна добавляет: «Раньше за комбайн надо было сдать 100 тонн пшеницы, а ныне – почти в 10 раз больше, трактор «Беларусь» можно было приобрести за трех бычков,

теперь – требуется чуть ли не целое стадо. И так во всем: соотношение цены колхозной продукции с промышленной стало в 8—10—12 раз неблагоприятнее, чем в критикуемое время». Кем критикуемое, вернее, проклиняемое? Да всей этой компашкой от Путина до Правдюка.

Но я не мистик, дело, конечно, не только в имени Ленина, а в ленинском трезвом взгляде на вещи. Татьяна Михайловна рассказала, что преодолевать злобно-хищное невежество демократов с их рынком и сделать жизнь в колхозе еще лучше, чем в Советское время, удалось благодаря тому, что, во-первых, когда началось гайдаровско-чубайсовское рыночное беснование, колхоз не бросился очертя голову в рынок, в приватизацию, не выдавал зарплату бычками, а все сохранил: всю технику, весь скот, а главное – дисциплину, советский порядок, т. е. общественное хозяйство, как основу жизни и благополучия. Словом, поступили они в своем колхозе так же, как батяня Лукашенко – в целой республике: что было хорошего в Советское время, сохранил и приумножил, что мешало – ликвидировал, и в итоге республика тоже превзошла советские показатели и живет лучше, чем все остальные бывшие республики СССР.

Надо надеяться только на собственные силы, говорит Татьяна Михайловна. А все эти «национальные проекты», с которыми Медведев носится по стране, – сотрясение атмосферы. Ну, в самом деле, «объем средств, выделяемых по проекту на сельское хозяйство, составляет только 1% от необходимого. Это все равно, что, скажем, доярке на группу коров требуются 100 кг комбикормов, а ей обещают когда-то подвезти 1 кг в красивой упаковке. И уже почти год говорят только о том, как бы этот щедрый килограмм не разворовали».

Но дело не только в этом. Все эти нацпроекты составляли люди, у которых вместо души – доллар. Пошлите любого из них на рентген – убедитесь. Они все, абсолютно все сводят к деньгам. Вот и думают, что если, например, посулить женщинам некую сумму, то они немедленно начнут рожать двойни и тройни даже без зачатия, а по причине одного лишь финансового энтузиазма. И так мы превзойдем по населению США, Индию, а потом и Китай.

И теперь представьте себе, что в Кремле и в Доме правительства сидят люди из этих двух колхозов им. Ленина: в кресле президента – умница Яменсков Георгий Васильевич, глава правительства не отмахавший на радость абрамовичам два президентских срока Путин, а энергичная, знающая дело Наумова Татьяна Михайловна, министром экономики не жидкобородый Иоахим фон Греф неизвестного бога, а главный экономист колхоза православная Лузина Нина Павловна, министром сельского хозяйства не тихоголосый учитель ботаники Гордеев, а главный агроном Захаров Владимир Павлович... Словом, на месте скорбных умом и пустозвонов оказались бы умные, деятельные, а главное – любящие свою родину люди. Страна сразу бы воспрянула! Сразу! Безо всяких нацпоцпрограмм.

...Можно себе представить, в каких корчах катаются правдюки по полу в одной куче с Карякиным, Марком Захаровым и Новодворской, когда узнают о памятниках Ленину, Сталину, Дзержинскому, о колхозах, что упомянуты выше.

Знойным летом 41-го года в «Правде» было напечатано стихотворение Степана Щипачева:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины разбитого вокзала.
Под вечер немцы в городок вошли
И памятник низвергли с пьедестала.

А утром правдюковский генерал
Взглянул в окно и задрожал от страха:
Как прежде, Ленин бронзовый стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

Это та самая сила, которая держит Сталинградский и Рязанский колхозы им. Ленина.

* * *

Но вернемся к нашим персонажам. Из главной, всеохватной их ненависти к коммунистам и Советской власти вытекает их сублиненависть к советской истории, в том числе к истории Великой Отечественной, т. е. к тому, как они написаны и известны. Почему? А потому, говорят, что писали историю чекисты «и выдали нам такую историю, в которой нет ни капли правды».

Какие чекисты? Вот фундаментальная двенадцатитомная «История Второй мировой войны». Беру 3-й хотя бы том, вышедший в 1974 году. Тут список членов редакционной комиссии: маршал Гречко, генерал армии Штеменко, министр иностранных дел Громыко, академики Румянцев и Нарочницкий, много других известных, авторитетных людей. Конечно, в огромном издании есть и упущения, и ошибки, и другие недостатки, но кто тут чекист, кто истреблял любую каплю правды? Все они, что ли, «десятилетиями кормили народ изощренной ложью»? Да, говорят, они, но и многие другие, например, маршал Жуков – «бездарный полководец, объявленный у нас символом победы» (серия 88).

Конечно, тут сразу хочется кое-что молвить о Г.К. Жукове, предварительно спросив: да неужто он как полководец бездарней, чем правдюки как журналисты? Однако прежде надо прояснить, каково представление наших просветителей о родине, Красной Армии и о вермахте, об их генералитете, закономерно поинтересоваться, что они думают о характере, о самой сути войны, о цели? И тут нас ожидают новые грандиозные открытия.

Мы всегда знали, что это была война за свободу и независимость нашей родины или, как сказал поэт, «ради жизни на земле». Ничего подобного, заявляют эти трое: «Война была, прежде всего, классовой войной двух идеологий, в которую коммунисты ввергли наш народ» (серия 64). Красная Армия, объявляют нам, начала войну под знаменами с девизом «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (серия 35).

Это безграмотное вранье людей, которые никогда в жизни не только не ходили под боевыми знаменами своей родины, но и не видели их. Тогда кто же это им внушил – не литературный ли ефрейтор Радзинский? Идеологии, наша и фашистская, были, разумеется, прямо противоположны, но ефрейтор наврал: не было на наших знаменах цитаты из «Манифеста».

Война, говорят они, была до такой степени идеологической, что «перед идеологией военная целесообразность не имела никакого значения» (серия 64). Например, один из правдюков уверяет, что весной 1944 года Крым почему-то не имел никакого военного значения, но немцы отчаянно цеплялись за него. Почему? Только ради того, чтобы сохранить идейно-политический престиж в глазах Турции и Румынии. А мы почему рвались в Крым? Не потому, что хотели скорей освободить еще один советский край и новые тысячи советских людей от фашистского гнета, а опять же исключительно по соображениям идеологического престижа, – чтобы подтвердить слова товарища Сталина: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!» (У Сталина – «трудящиеся и большевики»). А Ленинград мы защищали так упорно только потому, что это «колыбель революции», да? Сталинград немцы так бешено стремились захватить лишь по той причине, конечно, что он носил имя нашего вождя и т. д. Боже милосердный, какой вместительный сосуд – человеческая голова! Сколько вздора может в ней поместиться и долгие годы оставаться там в состоянии, всегда готовом после взбалтывания к употреблению.

Но вот на рассвете 22 июня, разорвав два государственных договора с Советским Союзом, фашистские орды вломились на нашу землю и обрушили тысячи бомб на спящие города. Ах, как можно так выражаться! И правдюки предпочитают так: «Части вермахта пересекли советскую границу». Как финишную ленточку. Это совсем недавно слышали мы по телевидению: «Израильские военнослужащие пересекли ливанскую границу...»

Но вот одно из главных правдюковских открытий: «Война против СССР была для Германии поначалу второстепенной военной кампанией на пути к разгрому Англии. Гитлер стремился к уничтожению СССР только как будущего союзника Англии».

Правдюк, сколько же вам все-таки лет? Ведь, кажется, уже скоро семьдесят. Как вам в таком возрасте удалось сохранить трогательную девственность ума? Неужели никогда не слышали, что еще в своей «Майн кампф» в начале 20-х годов Гитлер заявил о намерении добыть Lebensraum для Германии прежде всего именно за счет России. А какой Lebensraum можно было добыть в Англии? С другой стороны, И. Фест в трехтомной книге о Гитлере отмечал, что «он неизменно придерживался разработанной в начале 1923 года концепции союза с Англией». А известный немецкий генерал Г. Блюментритт, лично общавшийся с Гитлером, пишет, что тот с восхищением говорил о Британской империи, о необходимости ее существования. А Дункерк? Там в июне 1940 года Гитлер имел полную возможность уничтожить 200 с лишним тысяч солдат и офицеров разбитого английского корпуса во Франции, а заодно и тысяч 150 французов с бельгийцами, но он в расчете на веский козырь в мирных переговорах с Англией дал возможность всем им бежать через Ла-Манш на остров. А прямые предложения Англии мира, с которыми Гитлер выступал в рейхстаге? А запись Геббельса в дневнике 9 июля 1940 года: «Вопреки всему (англичане уже бомбили Германию. – Авт.), к Англии у фюрера положительное отношение». И там же 9 августа: «Все же враг № 1 в мире – большевики». А перелет Гесса 5 мая 1941 года в Англию за полтора месяца до нападения на Советский Союз – уж это ли не последняя отчаянная попытка поладить с Англией или даже привлечь ее в союзники против СССР! С нами же Гитлер не желал говорить о мире даже тогда, когда мы стояли у ворот Берлина. Мало того, и в своем политическом завещании за несколько часов до смерти фюрер писал: «И впредь целью немецкого народа должно оставаться завоевание пространства на Востоке» (И. Фест. Гитлер. М., 2006, с. 588).

* * *

Эта блаженная троица просто не имеет никакого представления, что такое была война, о которой они больше года точили лясы на глазах миллионов сограждан.

Тут нельзя не вспомнить их размышлизмы и о том, что Япония, когда шла война, запросто могла отхватить у нас Дальний Восток и Сибирь до Омска, но, видите ли, – зачем ей этот Lebensraum? Ведь нефть еще не была открыта, а Стране восходящего солнца (именно так они величают бандитку той поры) нужна была только нефть и ничего больше.

Лютая чушь! Будто Сибирь это пустыня Сахара. Во-первых, нефть уже давно добывалась на Северном Сахалине, и в 1942 году был проложен нефтепровод Сахалин – Комсомольск-на-Амуре, где построили нефтеперерабатывающий завод. А владивостокский «Дальзавод», изготавливавший боеприпасы? А заводы «Дальдизель», «Дальсельмаш», «Энергомаш», «Амурсталь» в Хабаровске и области? А угольные шахты в Сучане и Артеме? И все это ничуть не интересовало воевавшую Японию, почти не имеющую природных богатств?

А сибирское золото, алмазы, лес, пушнина да, наконец, рабочая сила, просто земля, хотя бы северная половина Сахалина – все это японским войскам тоже было до лампочки? Так чего ж они так настырно лезли к нам в 1904-м, в 1918-м, в 1938-м и в 1939-м годах, когда край был далеко не так возделан и освоен? Примечательно, что возможность отпора японцам этим патриотам даже не приходит в голову. А ведь там стоял в полной боевой готовности Дальневосточный фронт, который хотя и отправил на запад 23 дивизии и 19 бригад, но кое-какие силенки для отпора сохранил.

Правдюки еще и уверяют, что Япония не напала на нас в критический момент войны с Германией не благодаря урокам, полученным ею на Хасане и Холхин-Голе, не потому, что

Дальневосточный фронт стоял на стороже, – нет! В этом, оказывается, «важная роль принадлежит Америке» (серия 83).

Каким образом? А вот: «Когда у Японии запасов нефти осталось на три с половиной месяца, произошло неизбежное (!) – нападение на Перл-Харбор». И много они там получили нефти? «Японский меч вынужден (!) был обратиться против американцев».

Так что японцы были никакие не агрессоры, их вынудили к войне. Кстати, и немцы ни в чем не виноваты, это советское руководство ввергло страну во Вторую мировую (серия 87).

* * *

Да знаете ли вы, говорят нам правдюки, что «война не сразу стала Отечественной»! В таком духе, между прочим, твердит и известный Гав. Попов, их брат по разуму, в своей недавней книге «Три войны Сталина» (М., Агентство «КРПА Олимп»): война сперва была советской, коммунистической, классовой и только потом стала Отечественной (стр. 5). А в лужковском потешном парадике войну изобразили вообще не имевшей никакого отношения к советской власти, и о роли в ней коммунистов, три миллиона которых сложили голову в боях, – ни слова.

Но организаторы лужковского действа имели неосторожность пригласить на Красную площадь участников того великого Парада, и они сильно подпортили им задуманную благостную музычку. Корреспондент спрашивает Ивана Угрюмова: «Проходя по площади, что вы видели? Что вам запомнилось?» И ответил Иван: «Мы видели только Сталина!» – «Да как же так! – суется шустрый журналист. – Ведь шел снег!» – «Как? – сказал Иван. – А ты у него спроси. Ведь он тут лежит, рядом».

Журналига кинулся к стоявшему возле Василию Михайловичу Лагодину, видимо, надеясь поправить свои тухлые дела, но угодил из огня да в полымя. Дед Василий – в чем душа русская держится – возьми да врежь: «Ко мне лично обращался Сталин с Мавзолея: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную сокрушить фашизм!» Всей армии, всему народу и мне лично он сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Начинающие, но очень перспективные болваны Пивоваров и Якименко с НТВ дружно объявили, что приведенным напутствием «Сталин опрокинул всю советскую идеологию, считавшую перечисленных им полководцев эксплуататорами и врагами трудового народа».

Идиоты! Это они начитались Зюганова. А на самом деле, как я уже говорил, к тому времени об этих полководцах было создано множество советских поэм, романов, фильмов, спектаклей, картин.

Но ведь тут не вся сталинская цитата, дальше там так: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» Об этом лихие пивовары умолчали, конечно, а дед Василий – святая душа! – и тут не сробел – вмазал: «... Знамя великого Ленина!» Эфир-то прямой был, но вечером при повторе бесстрашного ветерана как сквозь строй пропустили, узнать было нельзя.

* * *

Но вернемся к уверениям правдюков, что война не сразу стала Отечественной. Это почему же? А потому, говорят, что «народ не хотел воевать» (серия 88). Что, мужики не являлись на призывные пункты, сорвали мобилизацию? Ничего похожего: получали повестки, распивали с родными и друзьями пару поллитровок и шли. А сотни тысяч – добровольцами. 36 дивизий народного ополчения влились в Красную Армию. Из них 26 прошли всю войну, а 8 стали гвардейскими.

Да, говорят нам, но многие сдавались в плен. Что ж, это бывает во всех войнах, но вы, читатель, полюбуйтесь: наши у них сотнями тысяч «сдаются в плен» (хотя бы серия 40), а вот 32 тысячи англичан в Тобруке «попали в плен» вместе с огромными запасами оружия, горючего и амуниции (серия 41). И 70 тысяч тех же англичан в Сингапуре, имея против себя лишь 35 тысяч японцев, тоже «попали в плен» к ним, хотя в обоих случаях были все даже формальные черты позорной сдачи: белый флаг, подписание капитуляции и т. д.

Мы не хотели воевать? Предвидя появление и внебрачное размножение правдюков, маршал Рокоссовский, возглавивший в ту начальную пору группу войск, писал: «Мы пополнили полки 38-й дивизии полковника М.Т. Кириллова собранными в дороге людьми. Такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево находятся части, оказывающие сопротивление немцам, люди сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или группами. Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможность объединиться. Они хотели воевать». Правдюки же, конечно, улизнули бы. Вот и судят по себе.

А что касается высокого имени войны, то она получила его буквально через несколько часов после ее начала в выступлении по радио В.М.Молотова: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение. То же будет и с Гитлером. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну». И Сталин в речи по радио 3 июля тоже напомнил нашествие Наполеона, а в конце сказал: «Мы должны поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину в Отечественной войне с германским фашизмом... Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

А эти ковыряльщики в носу уверяют, что только «после Сталинграда впервые (!) за все время войны появились выраженные оптимистически настроения (!) относительно конечного исхода советско-германского противостояния». Господи, язык-то какой! Две великих державы сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть, а у них – «противостояние». Они говорить-то по-русски не умеют! Ни запаха, ни цвета, ни звука русского слова не чувствуют.

И долдонят, что мы поверили в победу лишь в феврале 1943-го, а до этого и думать не смели, сражались неизвестно зачем, время тянули. И вот еще довесок к их уму: «После Сталинградской победы Сталин не скрывал (!) своей уверенности в конечном успехе». А до этого, видите ли, тщательно таил ото всех...

Какими же прошелыгами надо быть, чтобы разглагольствовать об Отечественной войне, даже не прочитав два исходных и основополагающих исторических документа о ней, о которых я упомянул.

* * *

По уверениям самих правдюков, они приступили к фильму «Вторая мировая», имея благороднейшую цель «протоптать хоть узенькую тропинку правды в океане советской лжи».

Вы видели тропинку в океане? И тут, пора внятно сказать, что ничего русского в их взгляде на войну нет, это взгляд из Берлина, из министерства пропаганды Третьего рейха, о чем свидетельствует прежде всего сам их язык. Мы то и дело слышим такие речи: «В начале войны на востоке (!) генерал Власов командовал 4-м механизированным корпусом»... «В марте 43-го года на Восточном (!) фронте создалось равновесие»... «Война на востоке (!) была жестокой» и т. п.

Разумеется, для немцев это был восточный фронт, война на востоке, поскольку у них был еще и западный. Но для нас это был фронт единственный. А вот вам еще и такое: «3

февраля 1943 года весь мир услышал о Сталинградской катастрофе (!)». Вы только подумайте, для советских людей, для всех, кто боролся против фашизма, это была великая победа, весь мир ликовал, а для мысленно сидящих в гитлеровском Берлине правдюков – катастрофа.

А с каким пафосом, каким высоким слогом да ведь, пожалуй, и с восторгом они сообщают о действительных или мнимых успехах немцев: «Корпус Хауса стер с лица земли две советские дивизии!» О своих соотечественниках – как о нечисти, получившей то, что она заслуживает...

Много они увидели из Берлина даже такого, чего до них никто не видел. Например, братание советских солдат с гитлеровцами! Это где же? Когда же? С чего? А в Севастополе, говорят. Правдюк, должно быть, сам видел, он оттуда родом.

А уж как нашим солдатам в фашистском плену было распрекрасно, что когда их в ходе наступления наши войска освобождали, то они не хотели этого и бежали обратно в плен. Вот, говорит, «после освобождения Феодосии 8 тысяч наших пленных не поспешили в объятья своих, а организованным маршем двинулись в Симферополь в немецкий плен вторично» (серия 35). Пospешили в объятья Гимmlера. До такого гнусного вранья даже Солженицын не доходил, казалось бы, уж абсолютный чемпион бесстыдства.

Между прочим, в Феодосии находился спецлагерь НКВД № 187, в котором проходили проверку наши освобожденные пленные. В июле – декабре 1944 года их там было 735 человек, и все до одного остались живы (Игорь Пыхалов. Клеветникам России. М., «Яуза». 2006. С. 357).

Я упоминал о том, как наших пленных расстреливали и топили на баржах в Севастополе, родном Правдюку. Много можно сказать о судьбе советских пленных и еще, но я ограничусь несколькими цитатами.

Жительница Керчи П.Я. Булычева показала: «Я неоднократно была свидетельницей того, как гнали по улице наших военнопленных, а тех, кто из-за ранений или слабости отставал от колонны, немцы пристреливали тут же, на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные им горожанами, немцы избивали. Тех, кто под ударами падал, пристреливали» (Нюрнбергский процесс, т. 4. с.121).

Правдюки, уверяющие, что немецкий плен был чем-то вроде санатория, из которого не хочется уходить, могут, конечно, как, допустим, и Новодворская, сказать: «А кто эта Булычева? Поди, большевичка. Или заставили ее, вот и наплела».

Допустим, большевичка. Но вот что в январе 1942 года заявили более шестидесяти немецких пленных лагеря №78 в обращении к Красному Кресту по поводу известной ноты наркома иностранных дел В.М. Молотова: «Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если сами не были бы свидетелями подобного зверства» (там же, с. 125). Бесстыжие русофобы и на это могут сказать: «Так это ж пленные. Конечно, заставили!»

Да, пленные, но уж, по крайней мере, не большевики. Но вот еще один документик – письмо от 28 февраля 1942 года: «Большевизм должен быть повергнут. Военнопленные должны на собственном опыте убедиться, что национал-социализм хочет и в состоянии обеспечить им лучшее будущее. Они должны вернуться на родину с чувством восхищения и глубоко уважения перед Германией». Все это близко к тому, что проповедуют правдюки.

Но дальше совсем иное: «Поставленная цель пока не достигнута. Напротив, судьба советских военнопленных является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 миллиона военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными. Большая часть их умерла от голода или погибла из-за суровых климатических условий, тысячи умерли от сыпного тифа. На территории Советского Союза местное население готово доставлять продовольствие пленным. Однако в большинстве случаев начальники лагерей запрещали передавать пищу и обрекали заключенных на голодную смерть. Во многих случаях, когда пленные не

могли на марше идти вследствие истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, и тела их оставались брошенными». Последние фразы это почти дословное повторение того, что говорила Булычева.

Наконец: «Во многих лагерях пленные лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов, чтобы вырыть ямы или пещеры. Можно было слышать такие высказывания: «Чем больше пленных умрет, тем лучше для нас». Вследствие этого широко распространился сыпной тиф как в самом вермахте, так и среди гражданского населения на исконных территориях рейха. Так что и германская экономика, и военная промышленность должны страдать из-за ошибок в обращении с пленными. Эти соображения должны дать основу для новой политики по отношению к военнопленным, которая в большей степени соответствует нашим военным и гражданским интересам. Вся пропаганда окажется напрасной, если страх перед пленом больше, чем перед смертью на поле боя» (там же, с. 214—215).

Кто же он, этот шкурный заботник о советских военнопленных как о рабочей силе для немецкой экономики? Удивительное дело! Сам Альфред Розенберг, теоретик расизма, духовный наставник Гитлера, министр по делам оккупированных восточных территорий. И кому же он писал, кого уговаривал, кого пугал эпидемией сыпного тифа? Еще удивительней! Вильгельму Кейтелю, начальнику штаба Верховного командования, правой руке, холую Гитлера, которого военные за глаза звали Лакейтель. Тому самому, который еще 23 июля 1941 года издал по армии приказ, где говорилось, что в России «всякое сопротивление будет караться не по суду, а путем системы террора». И требовал: «Командиры должны выполнять этот приказ путем применения драконовских мер» (там же, с. 77).

Для вас, правдюки, все это новость? А вот это? – «Молодечно. Русский тифозный лагерь военнопленных. 20 тысяч человек обречены на смерть. В других лагерях, расположенных в окрестности, хотя там сыпного тифа и нет, много пленных ежедневно умирает от голода. Лагерь производил жуткое впечатление».

А что скажете о таких, например, делах фашистских бандитов? «Среди казненных и сожженных в крематориях было около 20 тысяч русских военнопленных, привезенных гестапо воинскими эшелонами под охраной».

Это не из выводов советской Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний, не из учебника истории Советского времени, не из фильма «Освобождение», которым вы, разумеется, не верите. Нет, это говорили и писали сами немцы. И какие! Первая цитата – запись от 14 ноября 1941 года в дневнике генерала Франца Гальдера, начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта. Вторая – из показаний 15 апреля 1946 года на Нюрнбергском процессе привлеченного в качестве свидетеля Рудольфа Хесса (не путать с Гессом), который с 1 декабря 1943 года был комендантом Освенцима.

* * *

Так вот, глядя из Берлина на Восточный фронт, эти трое правдюков сгребли все наши ошибки, промахи, трудности, трагические неудачи, поражения, потери, щедро добавили лживых выдумок и – злорадствуют, и глумятся надо всем этим: «Лихой маршал Тимошенко рвался наступать... Словесная активность Тимошенко импонировала Сталину» (серия 38)... «Все советские генералы мечтали кого-нибудь разбить» (серия 35)... «Сталин вознамерился» (серия 60)... «События на фронте должны были остудить воинственный пыл Ставки» (серия 36)... «Гул победы исчез» (серия 47)... «В германском Генштабе смотрели фильм «Разгром немцев под Москвой». Интересно бы узнать их мнение» (серия 36)... Дескать, как они, должно быть, смеялись, ибо никакого разгрома-то не было и т. п.

Так писал Геббельс, и это понятно: он же был уверен в немецкой победе. Но эти-то хлюсты знают, что да, наши генералы рвались наступать, мечтали разбить и ведь наступали же до

самого Берлина и разбили же, – и все-таки они ерничают, довольно потирают ручки, хихикают, хрюкают.

Красную Армию они именуют феодальной армией азиатской деспотии и презрительно сопоставляют не только с гитлеровской, но и с дореволюционной «императорской армией», и в обоих случаях – к великому позору для нас, советских людей.

Ах, императорская! Разве, например, можно вообразить, чтобы там кто-то кого-то ударил. Ни боже мой!.. Господи, значит, уже выросло поколение, которое не только Станюковича и Куприна, но даже «После бала» Толстого не знает. Ведь там уставные, узаконенные его величеством шпицрутены гуляют по спинам бредущих сквозь строй солдат под их нередко и предсмертные стоны: «Братцы, помилосердствуйте! Братцы!..» А ведь эти писатели в отличие от правдюков служили в императорской, знали ее. Да загляните хотя бы и в «Очерки русской смуты» Деникина. Уж он-то все знал доподлинно.

Деникин пишет не только об узаконенных наказаниях от розог до расстрела, но и о жалком существовании офицерства: «Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства – подполковничий чин и болезненная полуголодная старость».

А еще и такая напасть: «Кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и было лояльно. Несмотря на это, после японской войны, как следствие первой революции, офицерский корпус был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, трагизм которых заключался в том, что оспаривать «неблагонадежность» было почти бесполезно» (Очерки русской смуты, гл. 1). Послужить бы этим патриотическим лоботрясам хоть годок в обожаемой «императорской», отведать бы им хоть разок березовой каши.

Но они, напомнив, что некоторые наши генералы действительно поживились за счет трофеев в Германии, продолжают верещать: «Можете ли вы себе представить, чтобы русский генерал, будучи пущен на постой, стащил серебряные ложки, картины, гобелены?» Вот оно что! Они считают, что Красная Армия пришла на постой в Германию. Опять приходится просвещать: мы пришли из разоренной немцами родной земли, где они оставили миллионы убитых наших детей, жен, родителей, где они разграбили все, что только могли – от Янтарной комнаты до чернозема Воронежской области. И наши генералы, уличенные в злоупотреблении, были сурово наказаны, а кто наказал хотя бы похитителя Янтарной комнаты? Он даже неизвестен до сих пор. А ведь ясно же, что генерал. В то же время можно ли представить советского генерала, который после взятия вражеского города разрешил бы солдатам несколько дней грабить его и вытворять что угодно. Увы, среди императорских генералов такое случилось...

* * *

Что еще о Красной Армии? А еще говорят, генералы в большинстве бездарны (серия 82), «подготовка комсостава была хуже некуда» (серия 88), «основным критерием (?) краскомов был партийный (!) стаж, холуйство и преданность» Интересно! У немцев – отменные потомственные профессионалы, участники Первой мировой, а у нас – бездарные хуже некуда генералы. А еще, говорят, во время войны у нас было 2952 генерала, а в США только 1065. Позор!.. Да ведь то были совершенно разные войны, умники. На американскую землю не упали ни один снаряд, ни одна бомба, не ступил ни один солдатский сапог. И все потери у них составили что-то около 300 тысяч человек. А у нас?.. Неужто и этого не соображаете?

А 143 генерала, говорят, вообще не имели военного образования. Ну, это вполне возможно: были же генералы и интендантской, и медицинской, и ветеринарной службы – зачем им учиться в Академии Генштаба? Но другие-то... И опять недоумение: вот эти несчастные

«хуженекуда» с их щедедушной ложью разнесли профессионалов с их грандиозными достижениями. Сколь велика их слава хуженекудов! Но как это могло произойти?..

Вот список 43 командующих фронтами за время войны: 14 маршалов и 29 генералов. Не тут ли часть разгадки? 34 из них, т. е. почти 80% – окончили академии, 32 – участники Первой мировой, 40 – участники Гражданской и 20, между прочим, владели иностранными языками, хотя кое-кто и не совсем свободно, 7 из них – немецким. А кто из генералов Гитлера знал русский? И добавлю: все были с довоенной поры членами партии, кроме Говорова, который вступил в партию в 1942 году, будучи уже генерал-лейтенантом и командармом.

В феодально-крепостнической Красной Армии, слышим мы еще, начальство безо всякого суда расстреливало кого угодно из подчиненных. Вот однажды «в начале августа 42-го года явился под Сталинград с взводом охраны заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков». Во-первых, он тогда не был заместителем Верховного. Во-вторых, никакого взвода охраны, прилетевшего с ним на самолете, у него не могло быть. В-третьих, в те дни Жуков вообще не был под Сталинградом, у него хватало дел на Западном фронте.

«В авиационном полку Жуков, узнав на собрании офицеров, что здесь никто не расстрелян, приказал своему взводу охраны отобрать четырех офицеров и тут же с воспитательной целью расстрелять: вот, мол, как надо действовать согласно сталинскому приказу № 227!».

Но почему сразу четырех ни в чем не виновных? Для воспитательной-то цели хватило бы и одного. Почему офицеров, а не рядовых? Офицеры-то «дороже». И как же отбирали несчастных – по алфавиту? по национальности? по цвету глаз? И что значит «тут же» – прямо на собрании шлепнули и перешли к очередному вопросу повестки дня? А имя хоть одного расстрелянного нельзя ли узнать?

– Нет, в большевицкой феодально-крепостнической армии такие факты немедленно засекречивались.

– Да как же засекретить, если злодейство совершено на глазах множества людей?..

И вот подумайте, кажется, должны бы люди соображать, что если они не знают, когда Жуков стал заместителем Сталина, и других легко доступных для проверки фактов, то кто же им поверит, когда они вещают о делах будто бы «засекреченных», о людях безымянных, о фактах невообразимых, – не соображают!

А еще, говорят, Красная Армия была очень религиозной, поскольку 78% населения (какая осведомленность и точность!) было верующим. Но даже Деникин свидетельствовал: «Религиозность русского народа к началу XX столетия несколько пошатнулась... Поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви».

Когда Временное правительство ввело свои многочисленные свободы, то к причастию стало являться не более 20% солдат. За последующие советские годы религиозность и народа в целом и армии уж явно не возросла. Во всяком случае, могу заметить, что за три года на фронте я ни на ком не видел креста, а ведь приходилось и в бане мыться, иногда и в реке купались. Был у нас на всю роту один верующий – ездový Вася Клоков, милейший парень, но, увы, только один. Может быть, он и носил крест.

А декламация продолжается: «Постепенно и Сталин начал понимать, какая это громадная сила – единство русских, отстаивающих свое отечество. «Мы русские, с нами Бог!»

Прекрасно! Но эти возвышенные слова стали твердить лишь в нынешнюю пору, когда Бог не больно-то помогает русским, и ныне более уместен другой девиз: «На Бога надейся, а сам не плошай!»

В одной из последних серий, рассуждая о жестокости Второй мировой войны и не делая тут исключения для нашей армии, Правдюк объяснил это тем, что «Бог перестал влиять на ум и на сердца людей» (серия 81). Да, мы грешны. Но немцы-то! Без Бога – ни до порога.

Гитлер свое длиннущее, похожее на скучную дипломатическую ноту обращение 22 июня 1941 года, зачитанное Риббентропом на пресс-конференции, начал так: «Немецкий народ! Национал-социалисты!...» и потом еще раз пять взывал к партайгеноссе, а закончил словами: «Да поможет нам Господь в этой борьбе!» И его приказ по войскам Восточного фронта в этот же день заканчивался так же: «Немецкие солдаты!.. Да поможет вам в этой борьбе Господь Бог!» Не помог. Хотя ведь и у каждого солдата на пряжке ремня красовалось крупными буквами «Got mit uns!».

А Сталин свое великое обращение 3 июля начал словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!...» И – ни слова о Боге. На пряжках, на знаменах наших тоже не было Его имени. Но достаточно было тогда сопоставить эти два обращения, чтобы понять, кому поможет Всевышний и чем закончится война. Бог не Микитка...

Кстати, частенько приходится слышать, что Сталин должен был обратиться к народу по радио в первые же часы войны, а он, видите ли, – только 3 июля. Дескать, непростительно растерялся, не знал, что сказать. А когда первый раз выступил перед немцами собственной персоной Гитлер? 4 октября 41-го на митинге в «Спортпаласе», т. е. через три с половиной месяца после начала войны, – только тогда, когда пришел к выводу, что «противник разгромлен и больше никогда не поднимется!». А ведь война-то не была для него неожиданностью, он ее сам смастачил, и все карты были в его руках.

* * *

Но кого же именно из наших военачальников эти умники объявили невежественными и бездарными? Как кого? Ведь уже было сказано – прежде всего, маршала Жукова. Ну а с какой же стати – бездарный? А так, говорят, писал о нем Дэвид Глант в книге «Крупное поражение Жукова». Какой еще Дэвид? Американец, что ли? Да, да! Большого ума человек! Ну, во-первых, не Глант, а Глэнтц. А, во-вторых, вот что говорил другой американец, историк Гаррисон Солсбери в книге «Великие битвы маршала Жукова»: «Когда история совершит свой мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями». А еще один американец, тоже Дэвид – Эйзенхауэр говорил: «Я восхищаюсь полководческим дарованием Жукова».

Впрочем, что нам эти американцы, все их Дэвиды и Недэвиды. Вот что писал о Жукове человек, который знал его многие годы, прошел с ним всю войну, вместе работал над планами сражений – маршал А.М. Василевский: «Г.К. Жуков, отличавшийся довольно решительным и жестким характером, решал вопросы смело, брал на себе полностью ответственность за ведение боевых действий; разумеется, он держал связь со Ставкой и нередко подсказывал ей целесообразное решение. К разработке операций Жуков подходил творчески, оригинально определяя способы действий войск. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Жуков – одна из наиболее ярких фигур среди полководцев Великой Отечественной войны» (Дело всей жизни. С. 530).

Как же это вы, Правдюк, такой горластый патриот, а мнение какого-то безвестного америкашки предпочли мнению знаменитого русского маршала, одного из самых больших военных авторитетов Второй мировой? Да разве один Василевский из наших? А Рокоссовский! «У Жукова всего было через край – и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах».

С мнением авторитетных людей надо, конечно, считаться, но и своим же умом шевелить надо, если он есть. Ведь Жуков начал военную службу рядовым в Германскую войну, стал унтер-офицером, заработал два Георгиевских креста, в Гражданскую командовал кавалерийским эскадронам, потом четыре года – полком, шесть лет – дивизией, а маршалом стал не по

должности, как Берия или Булганин, никогда в строю не служившие, а по войне. Словом, без единого пропуска прошел все ступени, все инстанции.

Л. Млечин, наставник правдюков и такой же головоногий, попытался найти хоть один пропуск: «После Халхин-Гола Сталин обласкал полководца, который привез ему (!) победу. (Ведь думать категориями страны эта шкурная публика неспособна. – Авт.) Комкор Жуков получил звание сразу генерала армии, минуя звания командарма 1-го и 2-го ранга (две высших ступени!)».

Олухов не сеют, не жнут – они сами рождаются, особенно – в писательско-профессорских семьях, как этот. Из контекста видно, что он считает командарма 2-го ранга выше командарма 1-го ранга, а не наоборот. Его же учили в МГУ, что 2 больше, чем 1, это он благодаря рублям и долларам до сих пор помнит, а значение слова «ранг» (rang – ряд) откуда ему знать. Тем более, как мог он проведать, что 7 мая 1940 года звание командарм было упразднено, а комкору Жукову дали генерала армии 4 июня этого года. Так что тут нет ни «сталинской ласки», ни скачка через две ступени, а закономерное восхождение на следующую.

И смотрите, через какой мощный микроскоп этот дока ищет блох: «В «Красной звезде» сообщение о присвоении новых званий начиналось с фамилии Жукова». Знать, по особому указанию тирана. О господи... Да просто в постановлении правительства о присвоении звания генерала армии было тогда лишь три фамилии, и они, естественно, перечислялись по алфавиту: Жуков, Мерецков, Тюленев. По ал-фа-ви-ту! Вот и весь микроскоп. И ведь такое крохоборство – во всем! Но представьте себе, он еще и умствует в «Литгазете»: «Очень важный аспект – историческая правда. Надо максимально соответствовать сегодняшнему уровню исторической науки». Какая тебе наука! Хоть алфавит-то выучи...

Да, Жуков прошел по службе все ступени. И подумал бы, Правдюк, с какой же стати всю Отечественную, даже еще с Халхин-Гола он был десницей Сталина? Почему именно его Верховный Главнокомандующий, Ставка посылали на самые важные участки фронта в самые решающие дни, в частности, – защищать Москву в момент, когда, по словам самого маршала, «Москву прикрыть было нечем»? Неужели случайно во время войны Жуков и звание маршала получил первым, и орден Суворова №1, и орден «Победа» № 1, и две Золотых Звезды Героя, уже имея одну? Наконец, да разве спроста ему было поручено и принять капитуляцию Германии, и командовать Парадом Победы?

Ведь это была война, а не антисоветский треп по телевидению, где Правдюка можно заменить Якубовичем, этого – Млечиным, этого – Радзинским, этого – опять Правдюком... Тогда решалась судьба страны, а не ставка гонорара, не сколько серий вам дать для бесстыжого вранья о великой войне. Словом, надо быть редкостным идиотом, чтобы маршала Жукова низводить до своего уровня.

* * *

Ненависть правдюков к Жукову доходит, как сказал поэт, «до стоны и до бормотанья». Это вполне естественно для почитателей Власова. Вы только послушайте, до чего доходят: «Его воспоминания это кровавая книга!» Да так можно назвать любое произведение о войне – от «Илиады» до вашего фильма. А «Полтава» Пушкина?

Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон...
А «Бородино» Лермонтова?

Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел...

А «Война и мир» Толстого? Есть основание полагать, что никто из этой троицы ни одно из названных произведений не читал.

Но глотки луженые: «Воспоминания Жукова – самая крупная фальсификация истории Советско-германской войны! (серия 88).

В чем дело, он скрыл наши трагические неудачи в начале войны? Или что немцы доперли до Москвы? Что на другой год прорвались к Волге? Уверял, что нам ничего не стоило разбить их под Сталинградом, на Курской дуге? Что мы с ходу взяли Берлин? Или вот он цитирует Гальдера, Типпелькирха и других немецких генералов и историков о первых сражениях: «Возможности русских сильно недооценивались... Мы очень надеялись, что после первых крупных военных неудач советское государство рассыплется... Для Гитлера не подлежало ни малейшему сомнению, что для разгрома Советского Союза достаточно одной кампании»... «Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак... Командование и войска Красной Армии оказались на высоте требований... Это противник со стальной волей... Не могло быть и речи о том, чтобы быстрыми ударами разрушить картонный домик... Русские держались с неожиданной твердостью и упорством... Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению... Уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие тяжелые потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь в Польше и на Западе» и т. д. Так это все Жуков придумал? Ничего подобного немцы не писали?

Не в том дело! Все гораздо страшней и циничней, говорят нам. Жуков бесстыдно уверял, что «прибыл в Ленинград для его спасения 9 сентября 41-го года и спас его».

Вранье. Ни о каком спасении нет у него ни слова. Жуков вспоминает разговор со Сталиным: «Езжайте под Ленинград. Он в крайне тяжелом положении». – «Согласен вылететь немедленно». Только и всего. И на другой день, 10-го, вылетел. А вдогонку 11 сентября полетела директива Ставки:

«1. Освободить Маршала Советского Союза тов. Ворошилова от обязанностей командующего Ленинградским фронтом. 2. Назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии тов. Жукова. 3. Тов. Ворошилову сдать дела фронта, а тов. Жукову принять в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград...

И. Сталин, Б. Шапошников».

А спасен от блокады город был только в январе 1944-го.

Но Жуков на самом деле прибыл в Ленинград 13 сентября, кипятится Правдюк. Это важно! Потому что 12 сентября войска группы «Север» получили приказ Гитлера прекратить штурм Ленинграда и перейти к осаде. Отодвинув день своего прибытия, Жуков придумал легенду о своем спасении Ленинграда.

То есть Правдюк хочет уверить нас, что с 12-го бои под Ленинградом прекратились, все стихло и зачирикали птички. И поэтому Жуков не только не спаситель города, но и вообще не имеет никакого отношения к тому, что город выстоял. Но вот ведь какое диво: Правдюк все-таки признает, что «бездарный полководец» на посту командующего Западным фронтом сыграл выдающуюся роль в обороне Москвы и в разгроме у ее стен немцев. Так почему ж он не мог успешно возглавить оборону Ленинграда?

А главное, все это опять вранье: никакого приказа Гитлера «прекратить штурм» не было (как, вообще-то говоря, не было и самого штурма города, подобно Одессе или Севастополю). 11 сентября начальник Генерального штаба Гальдер записал в дневнике: «Наступление на Ленин-

град развивается вполне успешно. Большое достижение войск!.. Значительные успехи в борьбе за Ленинград». И остервенелые попытки захватить город продолжались. Жуков совершенно верно писал: «Враг рвался к городу». Действительно, 12 сентября на пути к Ленинграду немцы захватили Красное Село, 13 сентября (уже после правдюковского-гитлеровского «приказа») – Гатчину, Сосновку, Финское Койрово... В этот день, 13-го, Гальдер записал: «Успехи 39-го танкового корпуса Шмидта (того самого, что ранее захватил Шлиссельбург. – *Авт.*). Значительное углубление нашего клина на Ленинград». А вечером того же дня добавил: «У Ленинграда значительные успехи. Выход наших войск к внутреннему обводу укреплений может считаться законченным»...

Об этих днях Жуков пишет: «Военный совет фронта ясно понимал, что создалось чрезвычайное положение. Было решено ввести в сражение последний фронтовой резерв – 10-ю стрелковую дивизию. Последний!.. Серьезный риск, но другого выхода не было.

Утром 14-го 10-я стрелковая совместно с частями других соединений и при поддержке авиации нанесла стремительный удар по врагу. В результате напряженного боя оборона была восстановлена. Понеся большие потери, противник оставил Сосновку и Койрово».

Однако 17 сентября немцы захватили Павловск, 18-го – Пушкин... Бои, бои, бои... «Так продолжалось почти до конца сентября, – вспоминал Жуков. – В последние дни сентября мы не только оборонялись, но уже перешли к активным действиям. Был организован ряд контрударов в районах Колпино, Пушкина, Пулковских высот, и эти действия, видимо, окончательно убедили противника в том, что оборона Ленинграда еще сильна и сломить ее наличными силами не удастся. Немцы, прекратив атаки, перешли к разрушению города с воздуха и артиллерийским огнем».

И все эти дни до 7 октября, не зная сна и отдыха, обороной города руководил Жуков. Но и после его отъезда в Москву положение Ленинграда оставалось очень тяжелым. Так что ни о каком чудодейственном спасении города говорить не приходится, оно пришло гораздо позже. Но... «Я горжусь, – писал Жуков, – что в тот период, когда враг подошел вплотную к городу и над ним нависла смертельная опасность, мне было поручено командовать Ленинградским фронтом».

* * *

Правдюки не унимаются: «Жуков посылал пехотинцев на противотанковые минные поля, чтобы ценой их жизни дать проход танкам! (серия 81).

Я недавно уже писал: на противотанковом минном поле пехотинец может плясать, ибо такая мина взрывается только при давлении на ее взрыватель 200—250 килограммов. За подтверждением этого можете обратиться к маршалу Язову Д.Т., как сделал я.

И вот странно: очень во многом будучи единомышленниками Геббельса, порой просто повторяя его, правдюки решительно разошлись с учителем в оценке нашего и немецкого генералитета. Прочитав предоставленную немецким Генштабом книгу биографий наших военачальников, среди которых, конечно же, не мог не быть Жуков, всмотревшись в их фотографии, Геббельс за полтора месяца до полного краха Германии и до своей гибели записал в дневнике: «Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической (и, разумеется, как только что видели, и военной. – *Авт.*) деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, и на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В большинстве своем это дети сапожников, рабочих, мелких крестьян. Короче говоря, я должен сделать вывод, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более ценных народных слоев, чем наши собственные».

Своими соображениями Геббельс поделился с Гитлером, добавив, что у него сложилось впечатление, что «мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Наш генералитет слишком стар, изжил себя... А советские генералы не только фанатично верят в большевизм, но и не менее фанатично борются за его победу, что, конечно, говорит о колоссальном превосходстве советского генералитета». Гитлер полностью согласился со всем этим. А мог ли он не согласиться с чисто военным, полководческим превосходством советского генералитета?

Как же теперь называть этих правдюков, если против них не только я, русский коммунист, но и немецкие фашисты. Да, есть на свете нечто такое, что выше всех политических категорий...

* * *

Не только о Жукове – о многих генералах и маршалах Отечественной войны, ее героях, но также и о предателях мы узнаем из фильма много ошеломительно нового. Хотя бы вот: «Генерал Мерецков был арестован в ночь на 22 июня 1941 года. Бериевские следователи не добились его только по причине разгоревшейся войны» (серия 35). Только! А чем война мешала? Неужто всех следователей призвали в армию? Как же тогда объяснить расстрел генерала Павлова 16 октября 41-го? А почему не «добили», скажем, Рокоссовского, Горбатова? Ведь время было: их арестовали гораздо раньше, и первый из них сидел два с половиной года.

Так вот, на самом деле К.А. Мерецкова арестовали 24 июля 41-го, но месяца через полтора – об этом в фильме ни слова – он был освобожден с возвращением званий генерала армии, Героя Советского Союза и всех наград. Сперва в качестве представителя Ставки направили его на Северный Кавказ, потом командовал армиями, фронтами, стал маршалом, получил ордена «Победа», Суворова первой степени, пять орденов Ленина к двум довоенным и т. д. Правдюки дотошно и благоговейно перечисляют все кресты, дубовые листья и бриллианты, что получали немецкие генералы и офицеры, но сказать, что наш воин получил орден Ленина или Красного Знамени, у них язык не поворачивается, да и совсем неинтересно им это, их язык совсем для другого.

А когда тот же Рокоссовский стал маршалом? Дату берут с потолка. О Горбатове сообщают, что он в конце войны командовал 3-й Ударной армией (серия 69), войны которой водружили Знамя Победы над рейхстагом, а мы-то думали, что ею командовал генерал Кузнецов В.И.

Или: «С лета 1942 года все стратегические операции создавались (не операции, конечно, а их планы. – *Авт.*) при участии Василевского» (серия 84). А до этого чем он занимался – в Большом театре пел? Уже с 1 августа 1941 года Василевский был заместителем начальника Генштаба – начальником Оперативного управления и не мог не принимать участия в планировании всех важных операций. Ну, хоть такие-то вещи надо соображать!

Даже о самом Верховном Главнокомандующем у них отменные фантазии: «В конце войны не имеющий военного образования Сталин получил звание генералиссимуса» (серия 88). Ну как, мол, это можно было дать человеку без красного диплома! Да ведь и не в конце войны дали-то, а даже после Парада Победы. Но они еще и обрядили Сталина – какой, мол, фронт был! – в какой-то особый «мундир генералиссимуса с иголки» (серия 82), коего никто, кроме них, никогда не видел, поскольку его не существовало.

А вот что молодежный хор поет еще об одном известном генерале: «Андрей Андреевич Власов до войны (!) принадлежал к числу самых талантливых генералов». Но что такое талант генерала в мирное время? Дальше: «Венцом полководческого искусства Власова было командование 20-й армией при обороне Москвы». Вранье. Власов командовал 20-й армией с 30 ноября 1941 года, тогда вторично сформированной, и в оборонительных боях Московской битвы с 30 сентября по 5 декабря она не принимала участия, а только в контрнаступлении.

«Действия 20-й армии до сих пор изучаются в военных академиях без упоминания имени ее командующего, любимого сталинского генерала» (серия 67). Ну, это уж целиком в расчете на идиотов. Во-первых, какой он любимец? Сталин с ним до войны ни разу и не встречался. И в чем выражалась эта любовь? Власов – ваш любимец, а не Сталина. Во-вторых, 20-я армия ничем особым по сравнению с другими армиями, участвовавшими в контрнаступлении, не отличилась. В-третьих, да можно ли это вообразить: в академиях читают лекции о каком-то гениальном полководце и не называют его имени? И никто не хочет узнать имя гения.

Да, да, говорят, имя Власова отовсюду было вычеркнуто и нам удалось установить его совершенно случайно – по стихам в армейской газете 1941 года, в которых оно упоминается (серия 35). Это совершенно в духе Радзинского, который рассказывает, как он копается в архивах и добывает сведения, давно всем известные. Все, кто интересовался историей Отечественной войны, давно знают имя Власова и историю его предательства. И в литературе оно упоминалось, хотя бы в воспоминаниях маршала Мерецкова «На службе народу», вышедших 35 лет тому назад тиражом в 100 тысяч. Еще раньше писатель Аркадий Васильев (1907—1972) даже роман написал «В час дня, ваше превосходительство», в котором означенный Власов один из главных персонажей. Сперва роман был напечатан в журнале «Москва», выходившем тогда тиражом в 500 тысяч, потом 200 тысяч экземпляров вышли в издательстве «Советский писатель» и где-то еще. Наконец, вот справочник «Кто был кто в Великой Отечественной войне», вышедший в Политиздате более десяти лет тому назад тиражом в 30 тысяч. И там имеется статья о Власове. А мы, говорят, рылись в пожелтевших газетах 65-летней давности. Вот уровень их вранья или профессиональной дремучести!

* * *

И ведь так – весь фильм, все 90 серий. Такой же юный вздор о конкретных событиях войны, об отдельных операциях, обо всем ее ходе. Так, наши юноши то и дело дают неверные даты формирования армий, создания фронтов, проведения боевых операций и т. д. При этом расхождение составляет порой не день-два, а месяцы, а то и год с гаком. Например, говорят, что Херсон освободили 20 декабря 1943 года, а на самом деле – почти через три месяца, 13 марта 1944-го; уверяют, будто в феврале 1943 года более 700 наших самолетов бомбили Хельсинки, а на самом деле тогда и самолетов столько мы не могли послать на это дело, и не до финнов нам было, и добралась наша авиация до их столицы только через год, вскоре после чего они и разлюбили Гитлера, отвернулись от него, выбыли из войны.

И такое вранье или невежество, глумление и злоба – с рассказа о первых же днях и сражениях войны. Вот как Правдюк преподносит героический переход Балтийского флота из Таллина в Кронштадт летом 41-го года: «Адмирал Трибуц потерял в три раза больше кораблей, чем при Цусиме... Три Цусимы! Как трудно было воевать с такими Трибуцами!» В таких случаях следует приводить конкретные данные, а не «разы». Почему их нет? А потому что они разоблачают тупоумного лжеца.

В Цусимском сражении из 30 русских боевых кораблей, которых сопровождали 6 транспортов и 2 госпитальных судна, 20 погибли в бою или в безвыходном положении были потоплены экипажами, 5 кораблей сдались в плен, 3 крейсера ушли на юг, в Манилу, 1 эсминец – в Шанхай, попросту говоря, бежали. Во Владивосток прорвались только крейсер «Алмаз» и два эсминца. В плену оказались и командующий эскадрой вице-адмирал Рожественский и заменивший его после ранения контр-адмирал Небогатов. Что-нибудь похожее было 28—30 августа 41-го года с Балтийским флотом при прорыве из Таллина в Кронштадт? Хоть одно суденышко сдалось в плен? Хоть кто-то удрал в Манилу?

«Прорыв был беспрецедентным по трудности, – вспоминал командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц, возглавлявший прорыв. – Через плотные минные поля под ударами авиации, тор-

педных катеров и береговой артиллерии врага предстояло провести в Кронштадт около двухсот боевых кораблей, транспортов и судов вспомогательного флота» (Балтийцы сражаются. М., 1985. С. 76). Немцы уже были на южной окраине Таллина. На суда были взяты несколько тысяч бойцов Таллинского гарнизона и гражданского населения.

К 23 часам 27 августа боевые суда вышли на рейд. Он уже простреливался противником. На финском мысе Юминда была установлена 150-миллиметровая батарея. Флаг командующего был поднят на крейсере «Киров», который весь поход оставался главной целью немецкой авиации, но не пострадал.

Из-за резко ухудшившейся погоды (семь баллов!), при которой малые суда идти не могут, пришлось ждать, пока стихнет. Первый конвой начал движение на другой день в 12 часов 18 минут. Отряд главных сил во главе с «Кировым» снялся с якоря около 16 часов. Последним вышел в море арьергард. Колонна протянулась почти на пятнадцать миль. Сразу же начались атаки с воздуха и обстрел с финского берега, появились и мины. Орудиям «Кирова» удалось подавить батарею на мысе Юминда, а мины матросы вручную отталкивали от бортов. Но все же подорвался и затонул транспорт «Элла», самолеты потопили ледокол «Вальдемарс», погибли тральщики «Краб» и «Барометр», подорвался эскадренный миноносец «Гордый»... Но, яростно огрызаясь, колонна продолжала путь сквозь минное поле, шквал огня и кровь.

29 августа подорвался транспорт «Луга». Там было 1226 раненых. Подоспевший на помощь пароход «Скрунда» всех спас. Но вскоре и он вышел из строя, и все-таки раненых опять удалось спасти. «Потери наши в транспортах были велики, – писал Трибуц, – но почти со всех мы сумели эвакуировать личный состав. Самое ценное – люди были спасены». 29 августа в 17 часов авангард колонны во главе с «Кировым» прибыл в Кронштадт. Задача эвакуировать из Таллина войска и прорваться была выполнена.

«Нам удалось вывести из-под удара ядро флота», – заключает Трибуц. Это подтверждает Главнокомандующий адмирал Кузнецов Н.Г. Он подчеркнул, что, несмотря на тяжкие потери, «эвакуацию Таллина следует признать успешной... Боевое ядро флота удалось сохранить... Легко рассуждать теперь. Но Балтийскому флоту удалось в чрезвычайно трудных условиях вывести из осажденного Таллина девять десятых боевых кораблей. Огромной заслугой команд кораблей является спасение людей с гибнущих судов. Благодаря их беспримерному героизму из 17 с лишним тысяч человек на тонущих судах или уже в воде более 12 тысяч удалось спасти» (Курсом к победе. М, 1975. С. 67—68).

Что же в итоге исторического сравнения? При Цусиме только трем кораблям удалось прорваться во Владивосток, эскадра перестала существовать, и это предопределило поражение России в войне, а из Таллина в Кронштадт прорвались 142 корабля – ядро флота! – и понесенные потери хоть были тяжелы и скорбны, но не только на ход войны, а и на действия Балтийского флота не оказали решающего влияния.

Тут надо говорить не о трех Цусимах, а о трех трепачах невыносимых. И ведь какими грязными оскорблениями оплевали эти щелкоперы адмирала, тридцать лет жизни отдавшего советскому флоту, кавалера двух орденов Ушакова и Нахимова 1-й степени. Сами-то они, поди, на брюхе ползли бы из Таллина, да еще неизвестно, в какую сторону.

А что лепечут о Сталинградской битве? «23 августа был Судным днем для защитников города. Немцы совершили более 2 тысяч самолетовылетов». Вы только подумайте: советским людям на их родной земле за грехи их фашистские захватчики учинили Судный день. Олухи или невежды?.. Это мы устроили Судный день фашистам 9 мая 1945 года в Берлине. Дальше: «14 сентября немцы пробили коридор к Волге». На самом деле в этот день ничего подобного не было. «11 ноября немцы едва не достигли Волги». Как раз в этот-то день они прорвались, что было их последним успехом.

О самой Сталинградской победе: «На нашей улице случился (!) праздник». Не случился, миляги, а был предсказан Сталиным и завоеван мужеством и кровью. В другой серии исто-

рик-правдюк Александров заявил: «3 февраля 1943 года о сталинградской катастрофе знал весь мир». Это, повторяю, для Берлина была катастрофа, а весь мир узнал тогда о великой советской победе.

* * *

Вообще, когда речь идет об армии немцев, у правдюков голоса дрожат от восторга и умиления. Ну, прежде всего, самого Гитлера они возвышенно именуют не иначе, как «фюрером немецкого народа» и «стойким солдатом». Восхищаются его международным бандитизмом – тем, что он «сказочно быстро» сумел оттяпать Саарскую область, Рейнскую зону, Австрию, Судеты, а потом и всю Чехословакию. О немецких генералах, офицерах, солдатах то и дело слышим:

«Талантливейший Манштейн!»... «До самой смерти девизом Руделя были слова: «Погибает тот, кто сдается!»... Еще и охотно цитируют спятившего штабного генерала: «Конечно, один немецкий солдат может убить десять русских» (серия 43).

И дальше: «6 армия генерал-полковника Паулюса уверенно шла к Сталинграду, а части наших 51, 62-й и 64-й армий на некоторых участках бросали позиции при появлении едва ли не разведзводов врага»... «Второе лето подряд немецкие войска шли на восток по 50—60 километров в сутки»... Хайль Гитлер!

Лихо! Действительно, первое лето они шли, шли, шли... Солженицын, служивший тогда в тылу на конюшне, уверяет, что шли даже в два раза быстрее – по 120 км. И куда пришли, к чему спешили? К разгрому под Москвой. И второе лето шли, шли, шли... И куда пришли? К разгрому под Сталинградом. И в третье лето на Курской дуге опять пошли. Прошли 5 километров, прошли 10, прошли даже 35... И куда пришли? Да все туда же – к разгрому.

Правдюки это не отрицают, но просят нас принять во внимание извинительные обстоятельства. Первое: «У немцев не было в войне настоящих союзников» (серия 48). Второе: «Германия воевала едва ли не со всем миром» (серия 42). Третье: «Свою роль сыграло большое пространство. Любая армия, пройдя с боями до предгорий Кавказа, потеряла бы не менее половины своих ударных качеств, техники и людей» (серия 42). Наконец, русским всегда помогали морозы, распутица и советские мыши (серия 47).

Право, почти ничего подобного мы раньше не слыхивали. Тут удивительно все, начиная со слов о боях на пути к Сталинграду. Какие бои, если только что сказано, что проходили по 50—60 километров в сутки, а наши войска бежали при появлении вражеской разведки?

Однако все по порядку. У немцев не было союзников? А хотя бы румыны, которые доперли с ними до Сталинграда? А венгры, которых только в плену у нас оказалось 513 767 человек. И австрийцев – 156 682, чехов и словаков – 69 977, поляков – 60 280, итальянцев – 48 957, французов – 23 136, даже евреев – 10 173.

Это, повторяю, только пленные. А сколько погибли в боях, сколько были ранены и отправлены в тыл? По данным Военно-исторического журнала № 9'90, откуда взяты эти цифры, в плену у нас оказались солдаты, офицеры и генералы 24 национальностей. Так что, если войну 1812 года мы называем нашествием двенадцати языков, то это – дважды двенадцати.

Но такова лишь одна сторона дела. А с другой стороны, разве экономика почти всей Европы, в том числе военная промышленность, работавшая всю войну на Германию, не была ее самым настоящим союзником? Разве миллионы рабов, привезенные из СССР и других оккупированных стран Европы, не были хоть и подневольными, но, по сути, союзниками Германии?

Второе: немцы воевали со всем миром? Так уж и со всем! Какой урон им нанесли китайцы? Какой их город бомбили бразильцы? Когда вошли в Берлин аргентинцы? Это опять-таки с одной стороны, а с другой – ведь немцы, действуя отнюдь не в одиночестве, душили свои жертвы поодиночке: Чехословакия, Польша, Франция... Надеялись и нас удушить так же.

Но Сталин облапошил Гитлера. Кроме того, а кто виноват, что немцев и их фюреров возненавидели во всем мире?

Третье: еще и большие русские пространства виноваты? А что, все эти хваленые вами Манштейны, Гальдеры, Гудерианы не знали о них? Думали, что СССР это вроде Бельгии? Или Дании, при оккупации которой они потеряли одного солдата? Какие же они стратеги, полководцы? И чего стоят полоумные восторги по их адресу?

Ну, о морозах и распутицах, всегда спасительных для нас и всегда губительных для наших врагов, по причине полной нелепости разговора я промолчу, но вот интересно, как помогли Красной Армии советские мыши? И тут мы узнаем величайшую новость. Оказывается, в решающий момент Сталинградской битвы немцы не могли двинуть вперед свои замечательные танки, ибо мыши перегрызли в танках электропроводку. И это решило исход сражения.

Бедненькие фрицы! Ну все было против них в России: и просторы, и морозы, и распутица, и даже беспартийные, но ужасно патриотичные мыши! И только правдюки запоздало льют о немцах слезы...

* * *

Правдюки крайне возмущены тем, что у нас до сих пор в ходу такие речения о немцах во время войны, как «захватчики», «фашисты», «гитлеровцы»... Фи, какая невоспитанность! Какая несправедливость! А где же политкорректность? Это просто «военнослужащие германской армии», временно оказавшиеся на чужой территории, и только. И не смейте, мол, забывать, что «единство вермахта определялось социальными достижениями фюрера, которые в отличие от советской лжи были бесспорны».

Тут же и образцы мужества, благородства и рыцарства фашистов. Вот, скажем, немцы похоронили с воинскими почестями генерал-лейтенанта Ефремова М.Г., командарма-33, члена ВКП(б) с 1919 года, смертельно раненного в апреле 1942 года при прорыве из окружения под Вязмой. Прекрасно! Словно кто-то же из них был на этих пышных похоронах? В Вязме воздвигнут памятник Михаилу Григорьевичу. Не Геббельс ли заказал его Вучетичу?

И опять навязчивое недоумение: как же это мы с нашей жалкой ложью, серостью, небристостью разнесли в пух и прах благородных и гладко выбритых с их великими достижениями? Может быть, ликвидация нищеты, безработицы и неграмотности, преобразование страны из лапотной в индустриальную, приобщение миллионов простонародья к высотам культуры, науки, государственной власти и тому подобные дела, – может, все это было ложью только на языке у Геббельса да в ваших, правдюки, беззащитно мягких головах?

И не знают эти головы удержу в прославлении вермахта и «прекрасного немецкого солдата, который, даже замерзая под Москвой, стойко оборонял свои позиции». Правильно. Будучи отброшен километров на 100—250, наконец, набрался стойкости, которой хватило на некоторое время. А вот в Сталинграде, на Курской дуге, в Белоруссии и дальше аж до самого рейхстага, увы, стойкости не хватило. С другой стороны, наша-то стойкость под Москвой, и под Сталинградом, и на Курской покрепче оказалась. Неужто не слышали?

А какая демократия царила в вермахте! – продолжают песнопения телеисторики. Вот, говорят, генерал Гудериан пытался убедить Гитлера, что жертвы под Москвой бессмысленны, надо отступить. «Вы можете ли представить себе, чтобы Жуков убеждал Сталина, что жертвы бессмысленны. Такого разговора в Кремле никогда не могло быть».

Эти слова избобляют правдюков в том, что они даже воспоминания Жукова не читали, ибо там такие разговоры встречаются неоднократно, например, Жуков говорит Сталину, что, дабы сберечь силы, «Киев придется оставить». Там же, кстати, они могли прочитать: «Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И.В. Сталин ко всем обращался одинаково строго и довольно официально. Он умел слушать,

когда ему докладывали со знанием дела. Я убедился за долгие годы войны, Сталин вовсе не был человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить, даже твердо отстаивать свою точку зрения». Скажите, правдюки, спасибо за эту почти сорокалетней свежести новость, которую бескорыстно дарю вам...

Ну, а хоть когда-нибудь немцы все-таки драпали от Красной Армии? Нет, утверждают правдюки, «вермахт выравнивал линию фронта и сокращал ее». Именно так говорил Геббельс в 1943 году и позже... А эти трое даже превосходят учителя. У них не поворачивается язык сказать, допустим, «Манштейн получил под зад» или хотя бы «разбит и отброшен», они говорят как гоголевские дамы, приятные во всех отношениях: «Богиня победы Ника оставила Манштейна...» (серия 78). Они не смеют сказать, что немцы прозевали вторжение союзников во Францию, они воркуют: «Какой-то странный паралич охватил немецкое командование, странное безволие» (серия 67). А в наших неудачах и промахах ничего странного не видят. Наоборот! Тут для них закономерное, неизбежное следствие советского строя.

* * *

Одна из самых больших подлостей правдюков в рассуждении о характере Великой Отечественной состоит в том, что они изображают ее войной одного лишь русского народа против немцев. То и дело мы слышали: «На алтарь победы жертвы приносил только один народ – русский» (серия 45)... «Только русские умеют умирать со славой» (серия 88). «Русская была победа над нацизмом» (там же) и т. д.

Когда война началась, Сталин призвал к тому, чтобы «все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей родины». Все народы, а не только русский.

Да, главная тяжесть войны легла на плечи русского народа, самый большой вклад в победу внес он: 66,3% всех погибших на войне – русские (Книга памяти. М. 2005. С.253). В то же время среди Героев Советского Союза военных лет русских – 70,3% (Герои Советского Союза. М., 1984. С.245). Так что ж, правдюки, во имя вашего стерильного патриотизма можно отбросить и забыть жертвы и героев других народов?

Именно так они и сделали. Например, неоднократно рассказывая о великом воине Александре Покрышкине, ни разу не упомянули Ивана Кожедуба, тоже трижды Героя. Почему? Хохол! Не подходит...

Презрительное умолчание правдюков об участии других советских народов в войне, об их жертвах и героях, даже выпады против них выглядят особенно подло рядом с расшаркиванием и перед немцами за их великие доблести, и перед американцами по поводу ленд-лиза. Да, последние слали нам виллисы и свиную тушенку. Спасибо...

Из летчиков не упомянут и старший лейтенант Александр Константинович Горовец, подвиг которого в воздушном бою не был никем повторен за всю Вторую мировую. Во время Курской битвы 6 июля 1943 года он атаковал 20 вражеских бомбардировщиков и 9 из них сбил, погибнув при этом и сам. Посмертно ему присвоили звание Героя. Но и он не подошел Правдюку: белорус! А вдруг еврей? Зато он разыскал Ивана Федорова, который, говорит, тоже «в одном бою сбил 9 самолетов противника» (серия 74). Когда? Где? В каком сражении? Почему об этом шестьдесят с лишним лет никто, даже историки Великой Отечественной, не ведал? Молчание...

А ведь стал же все-таки широко известен тоже беспримерный подвиг Михаила Девятаева. Возглавленная им группа из десяти наших пленных в концлагере на острове Узедом 8 февраля 1945 года под носом у немцев захватила бомбардировщик, и через два часа смертельного рейса Михаил Петрович посадил машину, которую обстреливали и очухавшиеся немцы и свои, в нашем расположении. В 1957 году он получил Золотую Звезду Героя.

Стали, в конце концов, Героями, хоть уже посмертно, и Григорий Бахчиванджи, первым совершивший полет на машине с жидкостным реактивным двигателем (ЖРД), и Екатерина Зеленко, и упоминавшийся Александр Маринеско. А тут?..

Среди Героев Советского Союза, как свидетельствует известный биографический двухтомник, вышедший в Воениздат в 1988 году, числится 23 Федоровых. 15-й из них – тот самый, о котором вещал Правдюк, – Иван Евграфович. Человек прекрасной биографии! О нем сказано: «С 1940 года на летно-испытательной работе. Летчику-испытателю полковнику Федорову за испытание и освоение военной техники и проявленное при этом мужество и героизм 5 марта 1948 года присвоено звание Героя Советского Союза» (Т. 2. С. 643). То есть уже после войны.

Однако с приближением 90-летия у Ивана Евграфовича что-то случилось с памятью и языком, и это нашло яркое выражение в книге о нем «Красный сокол» Владимира Шморгуна. В номере, посвященном Дню Победы, «Литгазета» напечатала о Федорове восторженную рецензию, где, пересказывая автора, писала, что Михаил Евграфович сбил немецких самолетов «больше, чем трижды Герои Александр Покрышкин и Иван Кожедуб, вместе взятые, но вместо шести золотых наград Героя получил лишь одну».

Сколько же точно сбил Федоров самолетов? Неизвестно. И насчет орденов не совсем точно. Кроме «Отечественной войны» Федоров получил также ордена Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. Но рецензент, видимо, просто не в состоянии выговорить эти слова, как и сказать полностью «Герой Советского Союза», «Золотая Звезда» – уж больно все это проклятым прошлым шибает в либеральный нос! Аллергией этого рода, может быть, в еще более тяжелой форме страдают и все правдюки.

Зато рецензент охотно пересказывает из книги: до войны, видите ли, за испытание немецких самолетов Федоров получил от Гитлера, вообразите, – Железный крест, от Геббельса, представьте себе, – фотографирующий серебряный портсигар, от Геринга – стреляющий карандаш, видимо, золотой. Словом, был истинным любимцем главарей Третьего рейха. И непонятно, почему еще и Гиммлер не подарил ему портативную душегубочку на две персоны, а Риббентроп – алмазный урыльничек. А сверх того, оказывается, Федоров первым сбросил советскую атомную бомбу и первым в мире преодолел звуковой барьер.

Так в чем же дело? Почему не дали Ивану Евграфовичу шесть Золотых Звезд? Да как можно-с, как можно-с... «Он не вписывался в привычный образ советского воина. Не дали просто потому, что он позволял себе самостоятельные поступки, как тот же Чкалов, воздушные эксперименты которого воспринимались начальством как хулиганство».

Какие эксперименты? Надо же договаривать. Если пролет под мостом в Ленинграде, то это действительно хулиганство или, ну, скажем так, – лихачество, опасное для жизни. К тому же, рецензенту надо бы знать, что, несмотря на «хулиганство», Чкалов стал Героем Советского Союза. А что такое «самостоятельные поступки»? Покрышкин и Кожедуб не позволяли себе их и действовали в боях не самостоятельно, а лишь выполняли предписание начальства, за что и получили Звезды? Ах, ведь и невелика рецензия, а сколь велика концентрация тупого либерализма...

Так же в «Литературной России» вещал о А.И. Колдунове писатель Артем Анфиногенов: сбил 46 самолетов врага, но мерзкая система не награждала его достойно, не продвигала по службе: уж слишком нестандартная личность! Я позвонил Артему: «Что ж ты врешь так бесстыдно на старости лет! Александр Иванович стал дважды Героем, а после войны дослужился до Главного маршала авиации, до заместителя министра обороны». А это, говорит, редакция у меня вычеркнула. И опять врет!

А помянутая рецензия в ЛГ кончается так: «В. Шморгун сделал попытку вернуть в пантеон героев воина не просто забытого, а человека, реально претендующего на прообраз(?) истинно «нашинского» воина-витязя».

Господи, какая тарабарщина! Во-первых, пантеон это для почивших, а Иван Евграфович, слава Богу, здоровствует. Во-вторых, почему «вернуть»? Его оттуда вынесли? Кто? В-третьих, почему «забытого»? В Советское время он получил много самых высоких, высших наград. А забытым он оказался, как и все фронтовики, «вашинской» властью. Возможно, поэтому его и понесло...

И в самом конце: «Подвиги его, настоящие, а не выдуманные, просто просятся на экран». Да, очень интересно было бы посмотреть, как Гитлер вручает Ивану Евграфовичу Железный крест, а тут и Геринг с Геббельсом поспешают...

Я не выдержал, позвонил и в «Литгазету», нашел рецензента, спрашиваю, как могло случиться, чтобы шестьдесят с лишним лет никто не знал о дивных делах Ивана Евграфовича? «В советское время еще и не то могло быть!» – услышал в ответ. Я понял, что передо мной представитель инкубаторского поколения, воспитанного телетрепом Радзинского и Сванидзе, Млечина и Правдюка... Любую чушь, самый вопиющий вздор о Советском времени они хватают и несут дальше. Никакого иммунитета, ни малейшей сопротивляемости, ни хотя бы некоторой способности анализа – полная беззащитность.

Ну, подумал бы хоть о том, каким образом советский человек мог оказаться испытателем немецких самолетов, – что, у немцев своих испытателей не было? И кто бы пустил его туда? Как может журналист, работающий в ЛГ, не чувствовать хотя бы того, что от всех этих Железных крестов, фотографирующих портсигаров и стреляющих карандашей из рук главарей фашизма за версту разит туфтой?

Можно себе представить, какова была бы во время войны картина награждений, если это зависело бы от патриотов правдюковской породы!

* * *

И в заключение вот о чем. Наши власти во главе с президентом неумолимо ищут ксенофобов и разжигателей межнациональной вражды. Ищут всюду – среди хулиганов, бомжей, в метро, в подворотнях. А тут по государственному каналу шайка прохвостов больше года только и делает, что разжигает эту вражду по самому чувствительному вопросу, и все молчат – президент, министр обороны, министр культуры, министр иностранных дел...

Пока они будут молчать, я, как русский человек, сын царского офицера и коммунист-фронтовик Отечественной, от лица родного мне Третьего Белорусского фронта, которым командовали поочередно украинец Черняховский, русак Василевский и армянин Баграмян, скажу вам, Правдюк: ничего русского в тебе не было, нет и не будет, мягко выражаясь, подонок ты и провокатор. Ехал бы ты в Иркутск работать сторожем в музей Колчака, который соорудили недавно русские предатели своих отцов и болваны во главе с русским губернатором. Там ты был бы на месте.

Преемники Йозефа Геббельса. Вид на войну из окна министерства пропаганды

Читаю книгу Леонида Млечина «Сталин, его маршалы и генерала» (М., Центрполиграф, 2004). Читаю и плачу, читаю и плачу...

Ну как же ты, болезный, дошел до жизни такой?.. Ведь мама долго работала в «Литературной газете», автор замечательных сочинений по зарубежной литературе, ныне – доктор филологии, член Союза писателей; папа, вернее, отчим окончил элитный МГИМО, был главным редактором «Вечерней Москвы», «Недели», пятнадцать лет работал в той же «Литгазете» заместителем самого товарища Чаковского, члена ЦК, потом – заместителем главного редактора «Известий» и даже был помощником Первого секретаря МК КПСС; и оба они лет по 30—40 состояли в коммунистической партии...

Какие высокие посты! Какие блестящие карьеры! Было сыночку у кого и ума и знаний набраться... Да и сам окончил лучший в стране Московский университет, был замом в «Новом времени», потом сидел в том же как бы наследственном кресле зама главного в «Известиях», издал около двух десятков бестселлеров криминальной тематики, из коих что-то к восторгу японского императора переведено на японский язык, стал членом какого-то Союза писателей да еще – редсовета газеты «Черная кошка»...

И вот листаю последнюю книгу «Сталин и его маршалы» и не могу сдержаться, листаю и заливаюсь слезами... В кратком предисловии автор пишет: «Эта книга о судьбе нашей армии. О военачальниках и полководцах». Сам в армии не служил, но писать и рассуждать о ней страшно любит, просто не может без этого. Как Радзинский, как Чубайс, как Немцов...

Разумеется, мы в надежде, что все, относящееся к жизни армии, Л. Млечин изучил до тонкости. Что – все? Да именно все, начиная с воинских званий и знаков различия. Что ж, посмотрим?

О довоенных званиях и знаках различия он пишет: «На рукаве гимнастерки и шинели геометрические фигуры – треугольники для младшего командного состава, квадраты для старшего и ромбы для высшего. Квадраты в армейском обиходе стали именовать «кубарями», ромбы – «шпалами»» (с. 69).

Право, как с луны свалился! Не ушиб темечко?.. Ведь даже в кино или на телевидении, где он так неутомимо трудится в «Особой папке» и «Верстах», мог бы видеть, что, во-первых, указанные знаки различия были не на рукавах, а на воротниках. Собачья старость, что ли, постигла, – не отличает рукав от воротника... Во-вторых, кроме младшего, старшего и высшего комсостава существовал еще средний, и он именно (младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант), а вовсе не старший комсостав носил «кубари» – от одного до трех. В-третьих, ромбы, разумеется, никто, кроме полоумных, не называл «шпалами». Если не знаешь, что такое шпала, сходи в метро или на Казанский вокзал и посмотри. Ни одного ромба не найдешь. Старший комсостав (капитан, майор, подполковник, полковник) как раз и носил «шпалы» – от одной до четырех.

А о погонах исследователь пишет, что они были введены не в 43-м году, а на пять лет раньше, еще до Холхин-Гола. Тут новость и о министрах, в том числе о военном: будто бы появились они у нас не в 46-м году, а еще в 25-м (с. 11).

Ну как же тут мне, старому солдату, не расплакаться!..

А в аннотации сказано, что автор широко использовал в книге «недавно рассекреченные документы». Интересно, когда же это рассекретили хотя бы то, что ромбы это «шпалы»?

А вот как выглядит эрудиция Млечина в области воинских званий, когда он не вообще рассуждает на эту тему, а пишет о конкретном лице: «В июле 1939 года на Халхин-Гол прибыл комкор Г.Жуков» (238). На самом деле он прибыл туда в конце мая, и уже 30-го они вместе

с комбригом Денисовым и полковым комиссаром Чернышовым отправили наркому обороны Ворошилову донесение об обстановке в районе боев (В. Краснов. Неизвестный Жуков. М., 2000. С. 100). Кроме того, Георгий Константинович прибыл не комкором, а комдивом, что на один ромб меньше. Комкора ему присвоили только в конце августа, после ликвидации под его командованием японской группировки, тогда же – звание Героя Советского Союза. Читателю все это знать совершенно не обязательно, но ты же взялся писать о «судьбе армии», а не историю русского балета...

Но Млечин с ученым видом знатока просвещает нас и дальше: «Воинские звания в Красной Армии присваивались не в соответствии с военными знаниями и успехами. Значение имело социальное происхождение и политическая преданность» (с. 769). Тут справедливо только последнее: да, политическая преданность власти всегда имела и имеет значение во всех армиях мира, политических противников не только не продвигают по службе, но даже избавляются от них. Зачем далеко ходить – припомните, мыслитель, холуйски воспетого вами Ельцина: сколько уволил он офицеров и генералов, понявших, что их главнокомандующий – предатель родины и американский холуй. А насчет социального происхождения поцелуйтесь с Юрием Мухиным, который тоже полоумно убежден, что Сталин поручал Жукову самые ответственные дела, продвигал его и щедро награждал лишь потому, что полководец имел рабоче-крестьянское происхождение.

* * *

Иные страницы книги читаешь и не только слезы льешь, но, право, и кондрашка хватить может. Судите сами, вот рассказывает автор, что в конце 30-х годов Наркомат вооружения предложил оснастить Красную Армию автоматами, но Ворошилов будто бы был против и при этом будто бы сказал: «Где нам набрать столько пуль для автоматов?!» (с. 306).

Поняли? Набрать! Пуль! Как орехов или желудей в лесу... И после этого крутолобый сочинитель гвоздит Ворошилова как бесталанного наркома обороны. Правильно! Какой же это нарком, если вместе с Млечиным не знает, что такое патроны, что такое пули и в каком лесу их можно набрать.

Мне могут заметить: «Ну, хорошо. Звания, знаки различия, оружие, патроны, – все это, конечно, имеет прямое отношение к армии, к войне, но все-таки еще не сами боевые действия, не война. Так, может, в суждениях о войне Млечин не столь малограмотен и туп?»

Ах, добрый читатель!.. Сей летописец судьбы нашей армии не знает, когда появились важнейшие документы, имеющие отношения к войне, приказы, директивы, когда произошли крупнейшие события на фронтах, дает им совершенно безграмотную и лживую оценку и т. д. И это касается не только Великой Отечественной. Он лжет повсеместно и до нее.

Однажды Григорий Явлинский очень точно сказал Чубайсу: «Анатолий Борисович, вы лжете всегда, во всем и по любому поводу». Правда, порой трудно различить, где у него оголтелая ложь, а где элементарное тупоумие. Вспомните, например, как однажды в споре по телевидению со Светланой Горячевой этот чудо-реформатор заявил, что до войны наши укрепления на границе были обращены не в сторону предполагаемого противника, как у других стран, а внутрь своей территории. Как так? Почему? Зачем? А затем, говорит, чтобы население не удрало за рубеж. По-моему, тут все-таки больше простого тупоумия. Так вот, Млечин – сочинитель чубайсовской породы.

Взгляните хотя бы на то, что он пишет о военном столкновении летом 1938 года у озера Хасан. Всю вину валит на Красную Армию, которая, дескать, обидела миролюбивых самураев, почему-то оказавшихся за тысячи километров от своей родины на советско-китайской границе. Ссылаясь на каких-то безымянных историков (любимый приемчик дезинформации!) заявляет, что с военной точки зрения бои у озера Хасан были позорным для нас провалом (с. 228). Таким

же «позором на весь мир» оказались и бои на Халхин-Голе летом 1939-го. Да, в ходе этих сражений были ошибки, неудачи, срывы, но, во-первых, раз в сто меньше, чем вздора и в этой и в других книгах Млечина. А главное, кончилось-то дело полным разгромом врага, который за четыре месяца боев, не выиграв ни один из них, наконец, запросил пощады.

Как всегда и во всем, Млечин пытается принизить наш успех и хоть отчасти оправдать или обелить наших врагов: «Японские войска не были готовы к боевым действиям на Халхин-Голе. 23-я японская дивизия, с которой сражалась Красная Армия, была сформирована в Маньчжурии из необученных и необстрелянных новобранцев» (с. 238).

Так чего ж, говорю, 38 тысяч этих необученных занесло через весь Китай и Маньчжурию за тысячи верст от любимой родины на землю Монголии, нашего союзника? Да еще прихватили с собой 225 самолетов, 135 танков и 310 орудий (ВЭС, с. 791). И разве эта 23-я дивизия была одна-одинешенька, как изображает Млечин? Нет, сударь, в августе тут развернулась 6-я армия генерала О. Риппо. Целая армия! Это уже 75 тысяч штыков, 300 самолетов, 182 танка и 500 орудий. А им противостояла 1-я армейская группа под командованием комдива Жукова, в которой насчитывалось 57 тысяч солдат и офицеров, 515 самолетов, 498 танков, 385 бронемашин и 542 орудия (там же). Да, уступая по численности живой силы, мы превосходили японцев по вооружению и технике. Так кто ж их просил лезть на рожон? И хотя, как пишет Жуков, «японские части дрались до последнего солдата» (это «новобранцы»-то необученные), но, увы, 30 августа 1939 года «6-я японская армия, вторгшаяся в пределы Монгольской Народной Республики, была полностью уничтожена» (Воспоминания, с.161, 163).

Вот такой «позор на весь мир»...

* * *

17 сентября того же года, после того, как бездарное польское правительство, бросив свой народ, бежало в Румынию, Красная Армия вступила на территорию рухнувшей под немецкими ударами Польши. Зачем? Да это же яснее ясного: чтобы не дать фашистской Германии захватить соседнюю страну целиком, чтобы взять под защиту единокровных братьев – украинцев и белорусов и таким образом отодвинуть свой пограничный рубеж на несколько сот километров к западу.

Ллойд Джордж, английский премьер в 1916—1922 годы, говорил в те дни о нашем вступлении в Польшу: «СССР занял территории, которые не являются польскими и были захвачены ею после Первой мировой войны... Было бы безумием поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии». Выступая 1 октября 1939 года по радио, Черчилль, тогда будущий премьер Англии, развил мысль своего предшественника: «Для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии». А ведь и Ллойд Джордж, и Черчилль были уж очень, очень, очень небольшими друзьями коммунистической России.

Млечин, конечно же, объявляет наше вступление циничной агрессией, очередным позорным разделом Польши и клянется, что поляки, а затем прибалты встретили Красную Армию неприязненно, враждебно, а «командиры и политработники старались оградить бойцов от общения с населением» (с. 397).

Но соображает ли наш мыслитель, что случится, если на одну чашу исторических весов бросить его и, допустим, Яковлева, двух беглых коммунистов, а на другую положить двух крупнейших политических деятелей XX века? Я думаю, что при этом наши скорбные умом и совестью соотечественники взлетят туда, откуда они свалились, – на Луну.

А вот что писал еще и В. Бережков, переводчик Сталина, позже – доктор исторических наук, тоже не этим беглеца чета: «Мне, как свидетелю событий осени 1939 года, не забыть атмосферы тех дней в Западной Украине и Западной Белоруссии. Нас встречали цветами,

хлебом-солью, угощали фруктами, молоком. В небольших частных кафе советских офицеров кормили бесплатно. То были неподдельные чувства. В Красной Армии видели защиту от гитлеровского террора. Нечто похожее происходило и в Прибалтике». Это можно видеть и в кинохронике тех дней, которая иногда проскакивает на наши телеэкраны, когда заезжает какой-нибудь Эрнст или Добродеев, что ли.

А у Млечина все вверх демократическими ногами: «Поляки возненавидели русских... Когда 22 июня 1941 года появились немецкие войска, поляки радовались и встречали их как освободителей, встречали части вермахта хлебом-солью» (с. 271). И это после беспощадного разгрома Польши и почти двух лет фашистской оккупации ее? Советские поляки радовались, вдыхая доносившуюся с захваченной немцами польской земли гарь печей Освенцима?

Полякам (как и евреям) молиться надо на русских и, прежде всего, на Сталина. Во Второй мировой польские правители, установили абсолютный рекорд подлости и тупоумия, перекрытый только теперь Горбачевым да Ельциным. Тогда в короткий срок они показали себя сперва шакалами, а потом – баранами. Шакалами – в 1938 году, когда вместе с фашистской Германией растерзали Чехословакию и получили от Гитлера за усердное участие в разбое богатую Тишинскую область. А баранами – в 1939 году, когда своей безмозглой и высокомерной политикой ухитрились остаться со своими кавалерийскими дивизиями один на один против танковых армий вермахта.

Молиться надо полякам на русских уже за одно то, что 600 тысяч наших солдат и офицеров погибли в их землю, освобождая ее от фашистов, истребивших 6 миллионов поляков.

Молиться им надо на Сталина... Беглые правители Польши, совершив еще в 1939 году сверхмарафон по маршруту Варшава – Люблин – Будапешт – Лондон, отъездившись на чужих хлебах, стали давить через английский МИД на премьера Черчилля, чтобы он добился у Сталина согласия на их возвращение к власти в Варшаве. Премьер долго сносил домогательства беглых поляков и своего МИДа, но, в конце концов, не выдержал и 7 января 1944 года, когда русские полки под командованием великого русского поляка Рокоссовского, давя немцев, уже рвались освобождать Польшу, Черчилль направил в МИД записку для сведения шантажистов-марафонцев. Он писал: «Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до уровня рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать... Поляки, должно быть, очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии себя защитить, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости».

* * *

В конце ноября того же 1939 года началась финская война. Она была короткой, всего 112 дней. Но историк Млечин и этого не знает, со слов Хрущева, такого же грамотея, как сам, пишет: «Она продолжалась 105 дней» (с. 294). И клеймит свою родину: «неудача»... «плачевные итоги»... «позор на весь мир!» Он, видите ли, уверен, как уверен тот же лысенький умник Радзинский, что мы хотели завоевать всю Финляндию, «присоединить ее к Советскому Союзу» (с. 258, 410), и потому «советские войска получили приказ выйти на границу со Швецией и Норвегией» (с. 296). И потому, когда война уже шла, на одной «вечеринке» Сталин произнес людоедский тост: «Пока мы убили в Финляндии шестьдесят тысяч человек. Надо убить остальных, и дело будет сделано» (с. 296).

Это что ж была за «вечеринка»? А «дружеская вечеринка 21 января 1940 года по случаю дня рождения Ленина» (там же). Можно ли вообразить себе большее тупоумие и лживость, чем превращение даты смерти в дату рождения? Вот именно так Млечин извратил и нашу цель

в Финской войне: хотели, мол, захватить, присоединить, «но финны не желали отказаться от независимости и отстаивали свою страну» (283, 292).

Да если бы мы хотели завоевать Финляндию, то могли бы сделать это если уж не в марте 1940 года, когда дорога на Хельсинки была открыта и финны запросили мира, то очень просто – в 1944 году, в пору высшего расцвета могущества и славы нашей Родины, когда битые финны расплевались с немцами и вторично капитулировали перед Красной Армией.

Наша цель была – отодвинуть границу от Ленинграда, за что мы до начала войны предлагали финнам вдвое большую территорию, и получить военные базы. И мы всего добились. Где же тут «неудача», «плачевный итог», «мировой позор»? А он все пыжится: «Сталин повелел считать Финскую кампанию победоносной» (с. 317). Повелел!.. Она и была такой, ибо армия выполнила поставленную задачу, все цели были достигнуты, все задачи решены, все выгоды получены.

* * *

Но вот началась Великая Отечественная... Но здесь пора раскрыть одну тайну. О начальной поре войны Млечин пишет: «Линия фронта быстро отодвигалась на восток» (с. 562). Вдумайтесь: отодвигалась от чего? Конечно же, от Германии, от Берлина, от новой имперской канцелярии Гитлера, от министерства пропаганды Геббельса. Вот из Берлина, скорей всего, из окна министерства пропаганды Млечин и смотрит на свою родину, на Великую Отечественную войну и в меру своего плоскоумия старается все охаить, извратить, оболгать, а оккупантов – обелить: он и слов таких, как «фашист», «гитлеровец», «захватчик», не употребляет. И фашисты у него не захватывают наши города, а только берут.

Из всех наших маршалов, начиная с Ворошилова, не наговорил гадостей, кажется, лишь о Рокоссовском. Но и его, право, уж лучше бы не вспоминал. Смотрите, что пишет: «В сорок четвертом году Рокоссовский хотел взять Киев, и его 60-я армия под командованием генерала Черняховского уже была на подступах к столице Украины, но во второй половине сентября его фронт перенацелили на черниговское направление. Киев отдали (!) Воронежскому... Сталин лишил Рокоссовского возможности нанести удар на главном направлении» (с. 784). Вот, мол, какая жуткая несправедливость к замечательному полководцу. И не соображает, что поставил в идиотское положение не только себя, но и Рокоссовского: у него маршал, как сонная тетеря, в сорок четвертом мечтает освободить город, который был освобожден еще в прошлом году. И сделали это войска не Воронежского фронта, а 1-го Украинского под командованием Н.Ф. Ватутина, а Рокоссовский никогда 1-м Украинским не командовал.

Этот пассаж чрезвычайно характерен: голова аналитика забита ворохами всякой чепухи: у кого какая зарплата, на каком этаже чей кабинет находился, кто чем болел, что подавали на приеме, у кого жена еврейка, а у кого – полуеврейка и т. п. А вот когда и кто освободил Киев, мать городов русских, он не знает. Почему? Да его это просто не интересует, у него голова забита другим: как бы смастачить новую книжечку, да чтобы клевета в ней была покруче, позабористей и шире по охвату советской жизни.

* * *

Примером широкоохватной подлости могут служить слова кинорежиссера Льва Арнштама, будто бы сказанные когда-то критику Лазарю Шинделю и подхваченные, как великая драгоценность, и растиражированные Млечиным. В 1944 году Арнштам снял фильм о Зое Космодемьянской, за что, как и Маргарита Алигер за поэму «Зоя», получил Сталинскую премию. И вот Шиндель уверяет: «С негодованием говорил он (Арнштам) о матери Зои. Она сни-

мала пенки с гибели дочери. Славы ради она вытолкнула в добровольцы младшего брата Зои. Он по возрасту еще не должен был призываться, и мальчишка погиб» (с. 667).

Арнштам в 1979 году умер, а Лазарь Шиндель, с которым я когда-то работал в «Литгазете», благополучно здравствует, как и Млечин. Я не знал Арнштама, но все-таки мне трудно поверить, чтобы он сказал такое. Неужели нет предела низости? Но что взять с покойника! А ведь эти двое говорят не о матери, потерявшей на войне дочь и сына, а о себе, о своей способности «снимать пенки» с чего угодно, где угодно, когда угодно: сидя в креслах «Литгазеты» да «Известий», снимали пенки советские, теперь снимают антисоветские, русофобские...

И не могут допустить мысли, что тысячи и тысячи советских людей шли на фронт добровольно, не в состоянии поверить, что Александр Космодемьянский пошел добровольно. Он родился в 1925 году. В сорок втором ему еще не было восемнадцати призывных лет, и его направили в Ульяновское танковое училище, которое он окончил в 1943-м. Ему уже исполнилось восемнадцать, и как командир батареи САУ он участвовал в боях за освобождение Белоруссии и Прибалтики. Стал старшим лейтенантом, за отличие в боях был награжден орденом Ленина и Отечественной войны обеих степеней. Погиб 13 апреля 1945 года двадцати лет в Восточной Пруссии, где довелось тогда в составе 50-й армии быть и мне.

Несчастливая мать отдала родине двух любимых детей. А Шиндель потерял на войне два пальца правой руки. Как говорится, почувствуйте разницу.

* * *

В глубокой задумчивости смотрю я порой на эти мордашки: Чубайс, Млечин, Немцов, Попов, Правдюк, Радзинский, Володарский, Жуховицкий, Розовский... У них есть нечто общее: никто не был ни на какой войне и даже, кроме одного, кажется, не служил в армии, но все ужасно любят точить лясы именно об армии и войне. Ну, просто хлебом их не корми, только дай потрепаться о том, как ужасна наша армия, как тупы военачальники, как бездарно мы победили немцев и т. п.

Тут надо бы еще назвать В.А., В.С. и И.Г., но я воздержусь, ибо два первых уже, как говорится, «присоединились к большинству», а о третьем появляются книги под заглавием «Гений». Как поднять руку на гения! Объявят новым Сальери.

Однако и умолчать невозможно. Судите сами. Первый из них в советское время искренне врал, что мы громили немцев при соотношении потерь 1:10 в нашу пользу, а в антисоветское – искренне врал, что такое именно соотношение было в пользу немцев.

Еще ужасно стыдил нас за то, что мы защищали Ленинград. Вон, говорил, французы-то сдали без единого выстрела Париж, потрепыхавшись, сдали и всю страну. Так почему бы нам не последовать примеру просвещенной нации? А мы, как дикари, цеплялись за какой-то Брест, за Одессу, Севастополь, Сталинград...

Больше двадцати городов по два-три раза переходили из рук в руки. Ничего подобного не было же в цивилизованной Европе. Вот и нам надо было все это сдать без боя. И сейчас читали бы «Allgemeine Zeitung» да пили бы баварское пиво, ожидая своей очереди в душегубку.

Кроме того, не смея все-таки отрицать нашу победу, В.А. в соавторстве с В.С. твердили: «Красная Армия не умела воевать! Мы завалили немцев трупам!» Как это могло быть при тогдашней уже могучей боевой технике? Да только одна возможность: грузили наши и немецкие трупы на самолеты и сбрасывали их на вражеские позиции, крепости, города. И немцы в ужасе разбегались или сдавались в плен.

А И.Г., благополучно здравствующий при всех властях и режимах, негодует по поводу того, что Советское правительство в обстановке начавшейся Второй мировой войны предусмотрительно – миром не удалось, пришлось силой – отодвинуло границу от Ленинграда, род-

ного города И.Г., обрело военную базу на полуострове Ханко и приняло некоторые другие меры для безопасности второй столицы...

Это он подпевает Радзинскому и Млечину, которые клянутся, что «Сталин хотел захватить всю Финляндию, но бесстрашные финны сорвали гнусные планы».

Крутолобые! Я уже говорил, но специально повторю для этих идиотов: если бы у Советской власти была такая цель, то мы имели полную возможность сделать это уж если не в марте 1940 года, то в сентябре 1944-го, когда бесстрашные финны второй раз за четыре года подняли перед Красной Армией руки вверх и по разумному примеру Болгарии и Румынии объявили войну Германии.

* * *

Но вернемся к начальному перечню бесовских мордашек. Пригляделся я к Радзинскому. Какая наследственность у человека! Во время войны его молодая матушка Софья Гавриловна, ведая пайками для эвакуированных в Ташкент писателей, обкрадывала уже старую Анну Ахматову, – об этом со слов самой Анны Андреевны рассказала в книге о ней Лидия Чуковская. Мамаша подкармливала пятилетнего Эдика. Вот почему он вырос таким талантливым – ахматовские харчишки! Но с другой стороны – материнские гены: он тоже любит при случае стянуть что-нибудь вкусенькое.

Как незадолго перед смертью рассказала корреспонденту «Литгазеты» дочь генерала Деникина, Эдик уворовал у нее изрядный по объему лакомый кусочек простодушно подаренной ему книги о Распутине. Поэтому нет ничего удивительного, что и Великую Отечественную он изображает не как войну за свободу и независимость родины от фашистского нашествия, а как разборку двух воровских банд, за что и полюбили его два президента по эту и ту стороны Атлантики, за что и получил он какие-то ордена, какие-то премии, за что и держат его в должности главного трепача на телевидении. Словом, за любой приз Радзинский может поспорить с кем угодно.

А взгляните на братишку Володарского. Это явный претендент на приз не только за роман и фильм «Штрафбат», но и за некоторые заявления о войне. Тут надо заметить, что у названных выше лиц такое устройство ума и такого пошиба сердце, что они легко и просто, порой даже с радостью допускают в людях любую подлость и любую низость.

Приведу лишь один пассаж из беседы Володарского с Дейчем: «Американцы были вояки те еще! В 44-м году немцы кое-как собрали три дивизии из 15-летних мальчишек, из сопляков. И эти три дивизии так вмазали американцам в Арденнах, что те покатались, как грох по полу. 15-летние мальчишки их отмутузили!»

Это он, видимо, хотел изобразить себя то ли антиамериканцем, то ли советским патриотом. А на самом деле это чушь, достойная Правдюка. Какие три дивизии? Какие мальчишки? Там была мощнейшая группировка: 7-я общевойсковая армия, 5-я танковая армия, 6-я танковая армия СС да еще особая танковая бригада Отто Скорцени для действия в тылу противника – всего около 250 тысяч сопляков, имевших примерно 1000 танков, 800 самолетов, 2617 орудий и минометов. Да, американцы бежали верст этак сто, но потом, когда мы по просьбе Черчилля раньше плана начали Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую операции и оттянули несколько дивизий сопляков, союзнички очухались и, потеряв 77 тысяч солдат и офицеров, все-таки отбросили немцев.

Это о немцах и американцах. А вот что Володарский лепечет о Красной Армии: «Жуков, вспоминая об операции «Багратион», пишет: чтобы не снижать темп наступления, потребовались свежие силы. Из резерва была выделена 10-я армия, но ее все нет и нет. Стали выяснять, в чем дело. Оказывается, от голода армия легла, солдаты не могли идти. Они четверо суток

не получали паек. Уж если такое происходило с резервом армий, то можете догадаться, как кормили штрафников».

Во-первых, штрафников кормили так же, как всю армию, что подтверждает хотя бы живущий ныне в США Лев Бенционович Бродский, бывший штрафник 8-го штрафного батальона 1-го Белорусского фронта (Новое русское слово, № 20'05. Нью-Йорк). Можете ему позвонить, Володарский.

Во-вторых, никакой необходимости привлекать свежие силы, чтобы не снижать темп наступления во время операции «Багратион» в Белоруссии, не было: сил имелось достаточно, а темп наступления – очень высок: 20—25 километров в день.

В-третьих, где же и когда же это Жуков писал? Тайна фирмы Володарского.

А главное, как могло случиться, что летом 1944 года целую армию, то есть тысяч 80 или больше человек, морили голодом? Да почему же Сталин или Жуков, обнаружив это, немедленно не отдали под суд начальника тыла генерала армии Хрулева Андрея Васильевича? И тут ларчик с треском открывается: 10-й армии тогда не существовало. «Багратион» – это 23 июня – 29 августа 1944 года. А 10-ю армию еще в апреле Ставка расформировала, на базе ее управления создав управление 3-го Белорусского фронта, в составе которого под командованием генерала армии Черняховского, а после его гибели – маршала Василевского довелось дойти до Кенигсберга и моей части.

Дейч! Хоть вы, что ли, втемяшьте мэтру: 10-я армия летом 44-го просто не существовала! Вот такой он знаток войны на западе и на востоке.

И еще один штришок портрета художника-гуманиста. В «Штрафбате» показана русская деревня, занятая немцами. Сходились некоторые наши женщины с оккупантами? Я лично таких не встречал, но, понимая, сколь многообразна жизнь, допускаю: кто под угрозой, кто – чтобы выжить, а, видимо, были и такие, что по доброй воле. Так вот у Володарского молодая русская женщина сходится с немцем добровольно, но этого ему мало: она у него еще и вдова погибшего на фронте солдата, у нее к тому же и сына-подростка немцы убили уже тут в деревне едва ли не на глазах, а малолетняя дочка всегда с радостью встречает немца: «Дядя Курт пришел. Шоколадку принес!» А это, вполне возможно, убийца ее отца. Вот теперь русский художник Эдуард Володарский доволен созданным образом русской женщины.

А о Жукове говорит: «Солдаты на фронте называли его мясником». То же самое, слово в слово, 22 июня изрыгнул и Правдюк. Они сами слышали это, когда матушка им задницу после горшка вытирала... Но вот документальный факт. Во время Сталинградской битвы Жуков поучал и стыдил командование 1-й гвардейской армии (генерал-лейтенант Голиков): «Разведка работает у вас плохо. Нельзя полагаться только на патриотизм, мужество и отвагу наших бойцов, бросать их в бой на неизвестного вам противника одним призывом «Вперед!». Немцев «на ура» не возьмешь. Мы не имеем права губить людей понапрасну» (Н. Яковлев. Маршал Жуков. М., 1995. С. 132). Таких наставлений Жукова и Сталина командующим войсками можно привести немало.

Но, говорит Володарский, я сам читал в воспоминаниях Эйзенхауэра, как он сразу после взятия Потсдама, увидев там груды советских убитых солдат, сказал маршалу Жукову: «Зачем вам нужен был этот Потсдам? Столько погибших!». А Жуков, – я, говорит, точно помню это – ответил: «Ничего. Русские бабы еще нарожают!»

Но вот эти воспоминания – «Крестовый поход в Европу», 525 страниц. Где, на какой странице приведенный разговор? Ответить Володарскому нечего. Будучи невеждой, он не соображает, что ведь его подлую ложь легко проверить. Так вот, Потсдам был взят 27 апреля. И Жуков с Эйзенхауэром там не встречались, еще шли бои, и они были в своих войсках. А встретились впервые лишь в начале июня и не в Потсдаме, а в штабе 1-го Белорусского фронта, находившемся в Венденшлоссе. Жуков вспоминал: «Встретились мы по-солдатски, можно сказать

дружески. Взяв меня за руки, он долго разглядывал, а затем сказал: «Так вот вы какой!» (Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 669).

Но приглядитесь, как у Володарского подлость сочетается с редкостной тупостью! Он уверяет, что маршалу Жукову ничего не стоило признаться в чудовищном деле американскому генералу да еще с таким цинизмом по отношению к родному народу, к русской женщине. И этот литературный колбасник называет Жукова мясником, ссылаясь при этом на каких-то солдат, с которыми он портянки сушил. Да не с Радзинским ли? Или с Жуховицким?

* * *

Помянутый Леонид Жуховицкий не так давно в одной международной газете напечатал статью о разгроме немцев под Москвой. И озаглавил ее укоризненно, даже гневно: «Подвиг на крови». Он, видите ли, за бескровные военные подвиги. Видимо, по его представлению, в Ледовом побоище, в Куликовской битве, в Бородинской лилась не кровь, а клюквенный сок.

И говорит голосом ветерана: «Молодые должны знать и о том, почему враг оказался под Москвой, почему за три с половиной месяца гитлеровцы прошли путь, на который нашим войскам в обратном направлении понадобилось три с половиной года».

Ему, штафирке, война представляется соревнованием по спортивной ходьбе. Но, во-первых, ближе всего к Москве немцы подошли в начале декабря, т. е. не за три с половиной месяца, а за пять с лишним. Зачем жульничать? Наполеону же с его пехтурой и конной тягой, начавшему вторжение с тех же позиций да еще на два июньских дня позже, потребовалось не пять и даже не три с половиной, а только два месяца. Как это объяснить, мыслитель? К тому же такая деталька: Наполеон вошел в Москву, а немцы на подступах к ней были разгромлены и отброшены. Неужели не видишь некоторой разницы, Жуховицкий?

Во-вторых, чтобы добраться до фашистского логова, Красной Армии предстояло не только освободить свою землю до Немана, Буга и Дуная, но и вышибить из войны Румынию, Венгрию, Финляндию, помочь Югославии, очистить Польшу, Чехословакию, пройти пол-Германии, перепоясанной линиями обороны... Ведь такие задачи не стояли перед вермахтом. Путь его от Буга до Москвы был покороче нашего от Москвы до Берлина.

В-третьих, знаешь ли ты, Леня, как и почему немцы оказались под Прагой и в Праге, под Веной и в Вене, под Варшавой и в Варшаве, под Брюсселем и в Брюсселе, под Амстердамом и в Амстердаме, под Осло и в Осло, под Копенгагеном и в Копенгагене, наконец, под Парижем и в Париже... И сколько времени понадобилось им для этих экскурсий?

Вот о чем, Леня, подумать бы тебе хоть в старости. А ты, не смущаясь мафусаиловым возрастом, все каких-то «молодых спутниц» сорокапятилетней свежести в «Еврейской газете» живописуешь да свою молодую Сусанну по телевидению демонстрируешь.

* * *

Но вот самый свеженький примерчик военно-исторического усердия бесовских мордашек. 9 мая, в День Победы, в «Известиях» появилась публикация «Договаривались ли Генералиссимус и Гитлер о войне с союзниками?» Заголовок сразу ошарашивает: Сталин стал генералиссимусом уже после войны, когда Гитлера не было в живых. О какой хотя бы гипотетической договоренности между ними может идти речь? Да и лучше сказать «о войне против союзников», а не «с союзниками».

Далее говорится, что в книге одного старого писателя о Сталине (сейчас книг о нем выходит великое множество весьма разного достоинства) «впервые опубликованы сенсационные документы» о предпринятых Сталиным секретных советско-германских переговорах в фев-

рале 1942 года с целью заключения мира с немцами и совместной войны против Англии и США.

Всякому нормальному взрослому человеку, имеющему представление об истории Советского Союза, об истории Великой Отечественной и о фигуре Сталина, с первого взгляда совершенно очевидна вся бредовость этих документов. Только нам тогда и не хватало войны с Америкой. Возьмите речь Молотова 22 июня, речи Сталина 3 июля, его приказ от 16 августа и выступления 6 и 7 ноября, его выступление в Ставке 5 января уже 1942 года, возьмите директивы и приказы Ставки за это время, переговоры по прямому проводу с командующими, – где вы там найдете хотя бы тень намека на возможность переговоров с немцами? Может быть, вот эти слова из доклада 6 ноября: «Если немцы хотят иметь истребительную войну, что ж, они ее получат»? Или, наконец, сомнителен его приказ от 23 февраля того же года, который заканчивался здравицей в честь родины, партии большевиков и Ленина: «Под знаменем Ленина вперед на разгром немецко-фашистских захватчиков!» А помянутые «сенсационные документы» уверяют, что именно в эти февральские дни шли сепаратные переговоры...

Еще 29 ноября 1941 года, за неделю до нашего контрнаступления под Москвой, министр вооружения Фриц фон Тодт воззвал к Гитлеру: «Мой фюрер! Войну необходимо немедленно прекратить, поскольку в военном и экономическом отношении она уже проиграна». Действительно, ведь план состоял в том, чтобы за несколько недель уничтожить наши войска и захватить Ленинград, Москву, Киев. Но Красная Армия продолжала сражаться, ее силы росли, а захватить удалось только Киев. В те же дни ноября, командующий группой войск «Юг» фельдмаршал фон Рундштедт предложил Гитлеру прекратить наступление, отойти на границу с Польшей и закончить войну политическим путем. И 28 ноября он начал отход, но в тот же день Гитлер заменил его фельдмаршалом Рейхенау. А уже после войны К. Рейнгард писал: «Планы Гитлера рухнули, видимо, в октябре 1941 года и безусловно с началом русского контрнаступления».

И вот в такой-то ситуации, ставшей для немцев к февралю еще более грозной, Сталин вдруг промурлыкал: «Людоед Гитлер, давай побеседуем...»

Да, говорит помянутый старый писатель: «Сложилась ситуация, похожая на ту, что наблюдалась (!) во время заключения Брестского мира. Сталин видел – немцы уже под Москвой, потери Красной Армии огромны, резервов нет, нет вооружения...» Да, потери огромны, но ведь они огромны и у немцев. В один из тех декабрьских дней начальник Генштаба генерал-полковник Гальдер записал в дневнике: «Командующий группой армий «Центр» фон Бок сообщает, что силы иссякли... Из пяти наших танков может вести огонь только один. События этого дня ужасающи и постыдны... Нам грозит опасность быть разбитыми».

Сталин видел, что немцы в 27 верстах от Москвы, 4 декабря, но на следующий день их поперли, поперли и поперли. Это потрясло непобедимый вермахт, он затрещал. Какой же тебе Брестский мир?

* * *

А как любит изгаляться о войне «Московский комсомолец»? Эта газетенка давно стала любимицей жриц, а потом и жрецов интимного досуга от 18 до 60 лет и старше. Она была первой и остается самой щедрой на их рекламу. Вот хотя бы рядовой номерочек еще за 9 декабря 2003 года: «Досуг. Молодые. 792-90-11»... «Досуг. 19—28 лет. 743—55—22. Дешево»... «Досуг. 18—31 год. Дешево. 309-70-33»... «Досуг. Дамы 18—55 лет. Все районы. 930-99-01»... «Досуг. Леди 18—60. Широкий выбор. Дешево. 945-00-86»... «Досуг. Феи. 24 ч. Все районы. 200-62-98»... «Досуг. У вас! Шикарные девушки! 746-45-49»... «Досуг. Русские красавицы. Выезд. 729-07-29»... «Досуг. Азиатки. Выезд.. 509-41-60»... «Досуг. Негритянки. 505-55-92»... «Досуг. Парни. 24 ч. 790-90-24»... «Парни lux. 778-60-54»...

И так – сотни две с лишним, и так – в каждом номере... И ведь за большинством объявлений не что иное, как нищета и горе... Заметьте, уж если сами леди объявляют «60 лет», то наверняка им за 80. А какой интернационал! И русские, и азиатки, и негритянки... Вот только евреек вроде бы нет, во всяком случае не обозначились. Но их, пожалуй, успешно заменяют Марк Дейч и Александр Минкин, парни lux.

Эти однояйцовые близнецы уже давно работают в газете под мудрым руководством Павла Гусева. Они очень похожи по внутренней сути, и по литературной манере, главные черты коей – визг и вопли, судороги страсти и класание зубами. Но Дейч, кажется, умнее Минкина, а Минкин, пожалуй, эрудированней Дейча: читал воспоминания одного битого немецкого генерала. Поэтому при желании отличить их все-таки можно.

22 июня в «МК» появилась статья А. Минкина «Чья победа?» о Великой Отечественной войне.

Статья написана еще в 1989 году, в пору самого полоумного разгула демократии. По его собственному рассказу, Минкин тогда обежал с ней крупнейшие центры разгула – «Московские новости», «Огонек», журнал «Апрель». На даже в ту пору даже такие зубры демократии, как Егор Яковлев, Виталий Коротич и Анатолий Приставкин, не решились напечатать статью. И тут Минкина, видимо наконец осенило: ведь в США много его соплеменников, может, они клонут? И представьте себе, кто-то клонул в Нью-Йорке. А потом еще и какая-то газетка в ФРГ, в Мюнхене.

Прекрасно! Международная слава. Но прошло много лет, и, видимо, все это время Минкин носился, бегал, шастал по редакциям газет милой родины.

Но, увы, никто не желал печатать его Труд Жизни.

И тогда правдолюб решил. Вошел в кабинет главного редактора «МК» Павла Гусева с присланным ему в подарок из Мексики ледорубом, которым убили Троцкого, в правой руке и сказал: «Ну...»

И 22 июня статья появилась в газете. Прочитали все московские жрицы досуга, и даже они, говорят, решили больше не подписываться на «МК» и не читать его. Что ж удивительного? Помните мопассановскую Пышку? Она тоже была патриотка, и, несмотря на давление французских демократов образца 1870 года, с которыми дорога свела ее на одной почтовой станции, отказалась переспать с пруссаком-оккупантом, который без этого не давал пассажирам экипаж.

* * *

О персонажах своей статьи представление у автора смутное. Уверяет, например, что немецкий генерал К. Типпельскирх, которого цитирует, «с 1928 года и до разгрома в 1945-м служил в Генштабе вермахта». Но, милый друг, во-первых, в 1928 году вермахт не существовал, он появился только в 1935-м. А Типпельскирх с января 1942 года командовал 30-й пехотной дивизией на советско-германском фронте, с декабря 1942-го там же – 8-й итальянской армией, с февраля 1943-го – 12-м корпусом, потом – 4-й армией, которая летом 1944 года потерпела тяжелое поражение в Белоруссии, потеряв 130 тысяч человек. После этого – командовал 14-й армией в Италии и сдался в плен англичанам. С чего ж вы взяли, что он всю войну просидел в Генштабе?

Но дело не в генерале, а в авторе. Он пишет, что «История Второй мировой войны» Типпельскирха «вышла у нас в 1956 году каким-то чудом». То есть надо понимать, что никаких других книг о войне немецких и вообще иностранных авторов на его железом занавешенной родине в ту пору не издавали. О дремучесть на двух ножках! Мы издавали и немцев, и американцев, и англичан, и французозов...

Такие несуразицы на первый взгляд не столь уж существенны, но за ними виден персонаж, не умеющий работать, газетный халтурщик. В самом деле, ведь все это лежит на поверхности, проверить факты ничего не стоит, но он не привык работать, он ленив умом и телом, к тому же самоуверен и, довольствуясь тем, что где-то что-то слышал краем уха, прет в газету, на трибуну, в Думу, охаявая свою родину.

Невежеству, к сожалению, частенько сопутствует плохое соображение. Вот Минкин именует Сталина «семинаристом-генералиссимусом», у которого-де за войну «и волос с головы не упал». Да ведь все великие люди были когда-то первоклассниками, первокурсниками, курсантами, учениками, подмастерьями, ну и семинаристами, – как можно не соображать это? И сам же когда-то сидел на горшке, а теперь – правая рука титана Гусева! Кроме того, почему же Гитлер не назван «ефрейтором-главнокомандующим»? Наконец, говоря «ни один волос не упал», вы, что же, маэстро, хотите, чтобы Верховный главнокомандующий в рукопашных боях участвовал? А ведь сам-то едва ли ринется в бой за «МК», если газета прекратит, наконец, печатать рекламу жриц досуга, и они пойдут на штурм редакции.

А главное, Минкин не соображает, что талант – вещь чрезвычайно загадочная, его связь с образованием и званиями порой не поддается уразумению. У великих писателей Максима Горького и Михаила Шолохова, в отличие, допустим, от Михаила Жванецкого, было за спиной всего три-четыре класса школы. И маршалы Жуков с Рокоссовским в Академии Генштаба не учились. Этот перечень можно продолжать долго.

Что же касается Сталина, то после семинарии он прошел великую школу жизни. Один день такой жизни мог бы превратить Минкина в Гусева. В годы Гражданской войны партия бросала его на самые трудные участки, и всюду он добивался успеха. Для умного человека это полезней всяких академий.

Не зная страну и ее историю, журналист lux не находит здесь для себя ничего, что радовало бы его, чем он мог бы гордиться. В начале статьи пишет: «Победа над Гитлером – единственное светлое пятно в нашей истории. Чем еще можем гордиться?» А в конце, как итог всех авторских доводов и соображений, читаем: «Так что же получается? И победой гордиться нельзя? Получается, вообще нечем гордиться?! Один стыд?!» И тут же скорбно вздыхает: «Наверное, ничего не удалось доказать».

Естественно. Что и кому может доказать о Великой Отечественной войне, о самой героической и трагической странице нашей истории газетный пустозвон, презирающий свою родину! Ведь это выпирает из каждого абзаца статьи и начинается еще с рассуждений о довоенном времени.

Так, Финскую войну он называет провалом. С какой стати? Провал, сообщите и Радзинскому, это, например, американское вторжение в КНДР (1950—1953): хотели ликвидировать там народную власть и даже доперли до Пхеньяна, захватили его, но вскоре получили такой удар от корейцев и китайцев, что едва не плюхнулись в море. В конце концов договорились о границе по 38-й параллели. И американцы, ничего не добившись, утирая кровавые сопли, убралась восвояси.

Еще? Те же американцы во Вьетнаме (1959—1973). Цель – и тут ликвидировать социалистический строй. И результат тот же, даже еще более сокрушительный и позорный: если в Корее все-таки удалось сохранить угодный США сеульский режим в южной части страны, то во Вьетнаме американцам и их прислужникам пришлось уносить ноги и с юга, со всей вьетнамской земли: произошло объединение страны, над Сайгоном взвилось знамя народной победы, т. е. американцы получили совершенно обратное тому, чего так жаждали. Это и есть, мыслитель Минкин, полный провал. Поделитесь этой новостью еще и с другом Млечиным.

Так вот, если американцы с дюжиной своих союзников за долгие годы войны (во втором случае 14 лет!) ничего, кроме вселенского позора и презрения, не получили в Корее и Вьетнаме, то мы безо всяких союзников за три месяца в тяжелейших природных условиях, очень

удобных противнику для обороны, добились в Финской войне всех целей, которые ставили. Назвать это провалом, дружок, могут только олухи да клеветники.

* * *

Минкин пишет, что в предвоенную пору арестовали и посадили «всех авиаконструкторов». Ну, если всех, то назови на выбор два-три имени. А.С. Яковлева посадили? С.В. Ильюшин сидел? А.И. Микоян сидел?.. На самом деле действительно кое-кто некоторое время сидел, например, А.Н. Туполев, будущий академик, генерал-полковник-инженер, трижды Герой Социалистического Труда, восьмикратный кавалер ордена Ленина, пятикратный сталинский лауреат и т. д. Но Минкин не знает фактов, он почему-то думает, что ему и так поверят, поэтому просто вопит: «Все сидели!»

Что еще? «Уничтожили лучших разведчиков». Слава богу, не пишет, что всех. Но кого же именно? Зою Ивановну Воскресенскую? Мы жили с ней в одном доме, она умерла в глубокой старости лет десять назад. Николая Кузнецова убили бандеровцы, Зорге расстреляли японцы... Кто еще? Филби, Фукс и вся «великолепная пятерка» умерли своей смертью. Супруги Розенберг казнены не нами, а американцами как советские разведчики, коими они не было. Что дальше? В ответ – сопение...

Что еще было ужасного перед войной? Как же, говорит, «уничтожение вообще (!) командного состава Красной Армии». Слово «вообще» тут означает опять же «всего». А как иначе? Значит, в войну мы вступили без всякого командного состава. Лихо! Но рассуждать об этом уже просто неприлично, и обрыдло, и бесполезно, ибо «цифры публиковались неоднократно», Минкин их неоднократно читал, но ничего не понял.

А все-таки, какие цифры? Около 40 тысяч. Давно было показано, сколько тут демагогии: в число уничтоженных минкинские друзья зачисляют уволенных тогда из армии и по возрасту, и по болезни, и за пьянство, и за воровство, и за иные виды неpotребства. И так набирают нужное количество.

Но даже если согласиться, что было репрессировано около 40 тысяч командиров, то это лишь около 20 процентов командного состава. А было еще 80, и это число перед войной росло за счет выпускников военных училищ и академий. Однако на самом деле в 1937—1939 годы было уволено 36 898 человек. Это число минкины, конечно, округляют на свой манер. А известно оно из «Отчета о работе Управления по начальствующему составу РККА за 1939 год», представленного 5 мая 1940 года Сталину, Ворошилову и Берии начальником Главного управления кадров Наркомата обороны, заместителем наркома обороны генерал-лейтенантом Е.А. Щаденко. К тому же, как следует из очередного отчета Щаденко, на 1 января 1941 года из числа уволенных было возвращено в армию свыше 13 тысяч командиров. Значит, процент уволенных оказался еще значительно ниже и 20. А арестовано было 8622 человека. Но это не значит, что все они были расстреляны или получили сроки заключения, возможно, многие были и оправданы.

* * *

Итак, рыдает Минкин, провалили Финскую кампанию, посадили всех до единого авиаконструкторов, уничтожили лучших из лучших разведчиков, истребили под корень весь состав армии. Какую бы еще гадость учинить стране? – гадают у него «государственный изменник» Сталин, о котором, говорит, я «ежедневно думаю» и круглосуточно ненавижу его. И вот что еще придумал этот его Сталин: «Ставка на кавалерию!» Что значит? Да, надо полагать, только одно: если в стране всего есть, допустим, 250—300 дивизий, то из них дивизий 200 должны быть кавалерийскими. Как же иначе!

Но что было на самом деле? На самом деле перед войной в Красной Армии было 4 кавалерийских корпуса, имевших по 2-3 дивизии, всего 13 дивизий. Какой жуткий недобор.

Но вот война все ближе. И что? Как что? Черчилль, говорит, предупреждает Сталина, а тот... А кто такой Черчилль? Едва ли Минкин знает, что до Гитлера тот был нашим врагом № 1 и после смерти Гитлера опять стал им, что именно Черчилль был организатором интервенции Антанты в годы Гражданской войны. При первой же встрече со Сталиным в августе 1942 года в Москве он спросил, простил ли его тот за интервенцию. Сталин ответил: «Бог простит».

Минкин едва ли своим lux-умом догадывается, что 22 июня 1941 года был самым счастливым днем в долгой жизни Черчилля, которого он ждал, как утопающий ждет, что ему бросят спасательный круг. Еще бы! Ведь Англия уже целый год оставалась один на один с германской военной машиной. Тут можно к слову заметить, что и у Сталина отлегло на сердце 7 декабря 1941 года, в день нападения Японии на США. Значит, нам не придется воевать на два фронта; значит, можно перебросить на запад побольше дальневосточных и сибирских дивизий.

Так вот, просто ли было поверить Черчиллю? Тем более что Сталин знал о переговорах англичан с немцами, а только что, 10 мая, в Англию прилетел Гесс, заместитель Гитлера. Зачем? Полюбоваться замками Шотландии?..

Горазд Минкин на всякие загадки о войне. Вот пишет он о каком-то безымянном мужике, сбежавшем в 1934 году из голодающей деревни в город. А где эта деревня, что в том году голодала? Ведь голод был, как известно, раньше. А что это за город? Мужик, говорит, имел тяжелое ранение, хромал, едва ковылял, но « всю войну прошел в пехоте ».

Всю! В пехоте! Хромой! Ну, разве не загадка? Правда, тут же узнаем, что еще задолго до окончания войны калечного мужика « послали в тыл аэродром охранять ». Как хочешь, так все это и понимай! Тут могу сказать только одно: я таких калечных мужиков, таких голодающих деревень и неизвестных городов могу столько насочинять, что в « МК » места не хватит перечислить. Но дело не в этом, а в том, что сей мужик будто бы прочитал статью Минкина и сказал: « Спасибо. Все – правда ». Где этот мужик? Как звать этого прозорливца, устами коего сочинитель дал себе достойную оценку. И верит ей! А еще верит битому немецкому генералу. Выходит, не лишен способности верить тому, кто говорит нечто для него отрадное.

А вот как загадочно разок упомянул Минкин и наших военачальников: « Генералы, даже маршалы устали доказывать, что не Сталин, а народ выиграл войну ». Прекрасно. Но ни одного генерала или маршала, ни одной их книги или статьи Минкин, по обыкновению, не назвал. Почему? Да потому, что ни один из них не ставил так вопрос о победе, это могут разве что одни интеллектуальные бронтозавры, что сохранились еще только в « МК » под эгидой Павла Гусева. А нормальные люди понимают и всегда понимали, что в войне победил народ, которым руководили советская власть, партия и Государственный комитет обороны во главе со Сталиным, победила Красная Армия, которой руководила Ставка, и Наркомат обороны во главе со Сталиным.

* * *

И вот утром 22 июня немцы напали. А что Сталин? Сталин, говорит, жутко перетрусил и сбежал спасаться на дачу, там у него был погреб. Пардон, но дача-то к западу от Москвы. Значит, он бросился навстречу немцам? Да, говорит, навстречу: он же государственный изменник...

Минкин, лапушка, ведь от этой брехни уже давно отказались даже такие классики вранья, как Солженицын и Радзинский, последний даже покался. А вы опять... Стыдно же!

Со временем, говорит, Сталин все-таки очухался и выступил по радио. Но это была речь-призыв, произнесенная « в истерическом ужасе ». А Солженицын писал, что Сталин высту-

пал «полуплачущий». Однако, по признанию даже битого генерала Типпельскирха, «истерический» и «полуплачущий» призыв «нашел отклик в сердцах советских людей».

Немцы продолжали наступать. И опять же что Сталин? Оказывается, «как теперь стало известно, уже в конце лета 1941 года подумывал сдаться, засылал сватов через Берию в Болгарию, да фюрер побрезговал, отказал». В сентябре 1812 года, находясь в Москве, Наполеон засылал к Кутузову свата Лористона, но Кутузов побрезговал и погнал захватчиков с родной земли. А теперь вот Гитлер. Скажите, какой брезгливый! А ведь не побрезговал втянуть в войну против СССР Италию, Венгрию, Румынию, Финляндию, не побрезговал даже карликами – Хорватией, Словенией, не побрезговал и добровольцами – французами, испанцами, поляками, бельгийцами, даже евреями...

Но ведь о сватах через Берию в Болгарию писали уже многие, а теперь – ваше благородие. И все по-разному! Так, историк А. Уткин в сочинении «Вторая мировая война» (М., 2002) уверяет, что Сталин решил повернуть «феерическую интригу» примирения сразу, как стало известно о нападении немцев, – так он струсил в первые же часы (с. 191); Э. Радзинский в своем двухпудовом «Сталине» (М., 1997) пишет, что это произошло сразу после того, как 8 августа 1941 года Сталин стал Верховным главнокомандующим (с. 507); В. Карпов в «Генералиссимусе» (Калининград, 2002) дает свою светлую голову на отсечение, что Сталин решил помириться с фашистами и вместе ударить по США и Англии в феврале 1942 года, писатель даже показывает документик, будто подписанный «Верховным главнокомандующим Союза ССР» (с. 10—15), какового в природе, однако, не существовало; у вас же, Минкин, – в конце лета (в августе, да?) 1941 года.

Что ж вы так – кто в лес, кто по дрова! Собрали бы конференцию или даже конгресс олухов царя небесного и договорились бы о единой и обязательной для всех дате, допустим, о 37-м мартабря!

А война идет. Много наших пленных. Позже появились власовская армия. Ликующе-негодующий друг народа Минкин тут как тут: «А почему ни из пленных поляков, ни из пленных французов немцам не удалось сформировать ничего подобного?» Ну, думает, поди, уел я их, куда денутся от такого бесспорного факта?

А на самом деле и тут обнаружил свое загадочное нутро. Во-первых, в этих странах не было ни революций, ни гражданской войны, ни других сопутствующих им явлений, порождающих противников власти. Кроме того, население Франции и Польши раза в 4—6 меньше, чем СССР, поэтому просто сыскать там предателей было гораздо труднее, чем в 194-миллионной стране. Наконец, в этих странах не могло быть «ничего подобного» хотя бы по той простой причине, что они были сокрушены мгновенно – в три-четыре недели. Какие тут могли быть «власовские формирования»? А ведь надо знать еще и то, что не пленные, которым некуда деваться, а регулярные части французской армии воевали вместе с немцами в Северной Африке против англичан, своих вчерашних друзей-союзников. А против нас в немецкой армии воевали и французы, и поляки, и многие другие мусье. Не слыхал, товарищ Минкин?

И потом, что такое власовская армия? Вот, Минкин, ваша сестра по разуму Сорокина-Каждой-Бочке-Затычкина в канун юбилея Победы организовала телепередачку «Каратели». И начала его своим грудным голосом так: «Этот фильм – о самой позорной странице Великой Отечественной войны». Ведь у вашей братии много в запасе таких страниц, но это – самая, припасенная к светлому праздничку. Кажется, у этой Затычки тоже скоро 60-летие? Я обязательно подарю ей к юбилею перечень самых грязных ее сюжетиков против родного народа. Ну, например, срочное приглашение в студию фашистского недобитка Коха, как только он дал известное русофобское интервью израильскому радио.

Дальше: «Этот фильм о войне русских против русских. Более миллиона бывших российских граждан (почему, кстати, «российских», а не советских? Тогда ведь существовал СССР, и

граждане были советские. Язык у мадам не поворачивается сказать – «советских»?) с оружием в руках воевали на стороне Германии».

Затычка не соображает, что говорит. Что касается именно русских с оружием в руках, то это Русская освободительная армия (РОА), состоявшая всего из двух дивизий (под командованием Буняченко и Зверева). Гиммлер разрешил сформировать и вооружить их только уже в отчаянную для Германии пору – в ноябре 1944 года. По сравнению со всеми попавшими в плен это меньше, чем Дейч и Минкин по сравнению со всем замечательным коллективом «МК» или мадам Затычка по сравнению со всем кагалом телевизионных клеветников.

А больше всего в гитлеровской армии было иных «российских граждан»: украинцев Бандеры, прибалтийских эсэсовцев, был и ККК – Калмыцкий кавалерийский корпус, и Туркменский легион, и известные кавказцы... Так что, всего, может быть, их миллион и наберется...

У нашего мудреца Минкина свое понимание, почему в Польше и во Франции не было «ничего подобного». Во-первых, «пленные буржуи и помыслить не могли воевать против своих» – такие они, видите ли, благородные, «а наши...»

Это даже загадочно. Учился же, надо думать, человек в школе и должен бы знать, что только что помянутые гражданские войны, революции, восстания были не только в гнусном ему отечестве, но и опять же в Англии, Франции, Америке, Испании... И всюду, представьте себе, свои колошматили своих. И как!.. Хотя именовалось это порой ах до чего красиво, например, – Война Белой и Алой розы.

Во-вторых, говорит, Советский Союз «обрек своих пленных на голодную смерть, назвав их предателями...». И что, благородные немцы приняли это указание и не пожелаали кормить тех, кого враг назвал предателями? А мы не кормили ли немецких пленных только потому, что Гитлер не называл их предателями? Вот вопрос! Кроме того, говорит, Советский Союз «отказался кормить своих пленных через Красный Крест».

Какой Красный Крест, аспид газетный! Сам же пишешь, что Гитлер объявил немцев высшей расой, мечтал о мировом господстве и проводил политику уничтожения целых наций. Вот русские и другие народы Советского Союза, а вовсе не только ваши соплеменники и были подлежащими уничтожению.

* * *

А между тем, война продолжается. Немцы наступают, мы отходим. Минкин изображает это так: «Идешь в атаку – может быть, повезет, немцы не убьют. Отступишь – свои убьют обязательно». Нет предела его пронзительному взгляду в прошлое! Но ведь отступали-то до Москвы, отступали и после приказа 227 до Волги, до Эльбруса – и что, всех отступавших перестреляли? Кто же тогда наступал? Кто освободил родину и взял Берлин – вы с Дейчем?

Однако же немцы наступают, обе стороны, естественно, несут потери. «Нападающий (Германия) должен нести больше потерь, чем обороняющийся (СССР)», – поучает мыслитель «МК». Но, ваше степенство, так бывает не всегда. Вот вы, нападающий на правду о Великой Отечественной войне, понесете у нас огромные потери. Но в жизни, мог бы сообразить, случается и по-другому. Разве не слышал, что вот врывается бандит в школу, в дискотеку, в храм и убивает десятки людей, а самого, если удастся, ловят и казнят лишь потом, у нас же и не казнят даже. Так было и в 41-м: ворвался бандит, который до этого устно и письменно обещал вести себя прилично, даже печать поставил, и начал кругом все крушить и уничтожать. И вас с Дейчем, невинных дитяток, попадись вы ему, уничтожил бы в первую очередь, потом – Гусева. Вы же уверяете: «Гитлер убивал по идейным соображениям только еврейских и цыганских детей». Правда, не совсем понятно, почему «только»? А русских и белорусов, украинцев и поляков, что, совсем не убивал или по каким-то иным безыдейным соображениям, просто попадались под руку? Нет, сударь, в русских он видел главного врага, об их обширной и благодатной земле,

а не о еврейском клочке он мечтал всю жизнь. Так что русские были самые «идейные» жертвы фашизма. В целом советский народ пережил почти пять холокостов, но мы их никому в нос не суем.

А каковы же потери сторон? Минкин объявляет: у немцев 4,5 миллиона, у нас – 35. В другом месте дает соотношение: то 1:7, а то и 1:20. Если умножить 4,5 миллиона на 20, то получается 90 миллионов, т. е. почти половина всего населения страны. Для *lux*-ума и это не диво.

Но в таком случае, объясните, мудрец, почему же при столь пропорционально небольших потерях немцы подписали капитуляцию, и не какую-нибудь, а безоговорочную, т. е. делай с ними что хочешь. А ведь их было 80 миллионов, да еще страны-сателлиты и ресурсы всей Европы. С другой стороны, даже 35 миллионов, не говоря уж о 90, это почти все наше взрослое мужское население, способное носить оружие. Кто же вышибал немцев из страны, кто брал Кенигсберг, Будапешт, Берлин? Эшелоны с кем встречал народ на Белорусском и на всех вокзалах страны в мае 1945-го? Соображать надо, дядя, ведь уже лысенький. У вас, как у известной героини Островского, что «больше тыщи, то и мильен». Запомните и повесьте у Гусева в кабинете, что соотношение немецких и наших боевых потерь 1:1,3. Остальное – целенаправленное истребление фашистами и наших пленных, и нашего народа, включая евреев.

Но герой не сдается и доказывает наши двадцатикратные потери, во-первых, тем, что «все годы войны существовала тактика «взять город к празднику», в частности, ужасно хотели «взять Берлин к 1 мая». Кто сказал, что была такая тактика? Откуда взял? Но вообще-то говоря, если была возможность именно к празднику порадовать народ освобождением своего или взятием чужого города, то почему бы и не сдать так. Но тактика?.. А главное-то в том, что Красная Армия освободила 727 советских городов и взяла 484 иностранных, всего это 1211 городов, причем, некоторые – дважды. Так что совсем не удивительно, что нередко это совпало с нашими довольно многочисленными праздниками. Думаю, что даже к дням рождения Минкина, Дейча и тем более Гусева тоже что-нибудь освободили.

К слову сказать, тут уж самое непристойное жульничество: это вы, Минкин, напечатали свою профашистскую статью о Великой Отечественной войне 22 июня – как раз к знаменательной дате, к годовщине ее начала. А ваш однояйцовый близнец Дейч выступил в том же «МК» с не менее позорной статьей о Владимире Карпове именно в день его 80-летия.

Во-вторых, говорит он опять о потерях, личная тактика Сталина выражалась словами: «Нам дешёвая пабэда нэ нужна». Не соображая, как он выглядит, *lux*-еврей передразнивает грузина, оскорбляя его национально, а он, грузин, знал русский язык лучше, чем Гусев, Дейч и Минкин вместе взятые и помноженные друг на друга.

Это, мол, Сталин так сказал, «когда ему доложили, что при лобовом штурме Берлина неизбежны гигантские потери». Да ведь только полный идиот мог так сказать. А кому сказал? Разумеется, и тут одно вранье. Во-первых, Берлин брали не в лоб – он был окружен, потом шло дробление окруженной группировки и, наконец, добивание.

А кроме того, когда Жуков доложил Сталину, что хорошо бы взять Берлин к 1 мая, но не удастся, тот, как рассказал маршал К.Симонову, ответил: «Ну ничего, впереди Первомай, это и так большой праздник. А возьмем мы Берлин 2 мая или 3 мая, это не имеет большого значения. Надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап операции».

* * *

Ни об одной нашей победе – ни под Москвой, ни в Сталинграде, ни в Курской битве и т. д. – Минкин и не упоминает – это ему абсолютно неинтересно. Впрочем, нет – упоминает о взятии Берлина. Но как! Только с точки зрения потерь и, разумеется, лживо. А вот

как оценивал эту битву хотя бы начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл: «Хроника этой битвы дает много уроков для всех, кто занимается военным искусством. Штурм столицы нацистской Германии – одна из самых сложных операций Второй мировой войны... Она представляет собой замечательные страницы славы, военной науки и искусства».

Упомянул и об одной операции союзников. Да как трагически возвышенно! «У союзников тоже бывали смертельно опасные операции. Например, открытие второго фронта». Кто спорит? Конечно, опасная. Но за три с лишним года, что они увиливали от нее, Красная Армия провела множество смертельно опасных операций, в которых погибли миллионы советских людей. Нашему фанатику правды никогда не приходило в голову взглянуть на проблему второго фронта с этой стороны.

Дальше: «Представьте себе честного, храброго, патриотичного английского парня в ночь перед высадкой в Нормандии. Непреступный Атлантический вал. Смерть почти неизбежна...»

Перед нами запоздалая жертва гитлеровской пропаганды. Непреступность вала была только на языке Геббельса. На самом деле к дню десанта иные его сооружения были готовы на 50—60%, а то и на 15—20%.

И почему же смерть солдата была так уж «почти неизбежна»? Что, процентов на 95? Но ведь силы вторжения имели огромное превосходство над немцами, они составляли 2 млн. 876 тысяч человек. На участке вторжения 38 союзных дивизий при полном господстве авиации обрушились на 3 немецких дивизии. В результате их подавляющего во всем превосходства потери союзников не превысили 5—6 процентов. Так что, если бы в этой десантной операции приняли участие Дайч в качестве моряка, Минкин как пехотинец и Гусев, естественно, как летчик, то шанс выжить у них был бы гораздо выше, чем ныне в московской профашистской газетке.

Из конкретных событий войны Минкин упоминает еще вот что: «Советская армия два месяца стояла рядом с восставшей Варшавой, хладнокровно ожидая гибель сотен тысяч ненужных поляков...» Какое позорное дело разоблачил правдолюб!

Я уже говорил, что перед войной польское правительство вело себя так подло и малограмотно, так спесиво и близоруко, как никто и, пожалуй, никогда: вместе с Гитлером и Венгрией приняло участие в растерзании Чехословакии, отвергало все советские предложения о диалоге, слепо поверило шкурным гарантиям Англии и Франции, – и в итоге Польша оказалась один на один с механизированными полчищами Германии. Той потребовалось три недели для ее полного разгрома.

Естественно, что после такого вселенского позорища полякам хотелось хоть как-то оправдаться. И именно для этого их правители, оказавшиеся в Лондоне, измыслили эффектный план – освободить Варшаву. Тогда бы они на весь мир шумели: да, войну мы проиграли, но свою любимую столицу все-таки освободили собственными силами! «Еще Польша не сгинула!...»

Да, 1-й Белорусский фронт вышел тогда к Варшаве. Командовавший им маршал Рокоссовский позже писал: «Нашлись злопыхатели, пытавшиеся в западной печати обвинить войска фронта и меня, конечно, в том, что мы сознательно не поддержали повстанцев, обрекая их на гибель». Да, когда-то лишь в западной печати, а теперь эти русско-еврейские злопыхатели на Красной Пресне.

Маршал продолжал: «2 августа (1944 г.) наши разведорганы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание... Но его руководители стремились изолировать восставших от всяких контактов с Красной Армией». То есть они, начиная восстание, и не думали координировать свои действия с нашим командованием или хотя бы предупредить его. И это понятно: для них самым важным было освободить столицу исключительно своими силами, иначе все теряло смысл.

Маршал: «Ведь самым неудачным временем для восстания было именно то, в какое оно началось». Наши войска только что завершили Белорусскую операцию, пройдя с боями свыше 600 километров и разгромив мощнейшую группировку немцев. Естественно, тут и большие потери, и общая измотанность, и нехватка боевых средств. И на тебе – иди немедленно в бой за Варшаву! А для ее освобождения требовалась полномасштабная фронтовая операция, которая позже и была проведена. Словом, это восстание было тупоумной и, как всегда, спесивой авантюрой, обернувшейся для поляков большой кровью. Слышал обо всем этом пан Минкин? Едва ли...

* * *

Но вот война окончилась. Минкин в трагическом раздумье: «Кто победил?.. Для верного ответа сравним уровень жизни победителей и побежденных. Сравнение катастрофически не в нашу пользу». У немцев «реальный доход на душу населения» гораздо выше. Значит, они и победили.

Перед нами все тот же спортивно-арифметический подход к войне, на сей раз шкурно-гастрономического уклона: у кого годовой доход на душу выше, кто ежедневно больше ест колбасы, поглощает калорий, тот и победитель! Не могут, не силах они понять, что советский народ воевал не за доход на душу населения, не за двадцать сортов колбасы, не за калории и не за «мерседесы», а за свободу и независимость родины, за само свое су-ще-ство-ва-ние. А это арифметическим подсчетам не поддается. Но Минкин уверяет, будто и Владимир Высоцкий вместе с ним мечтал о суперколбасе, подсчитывал калории, а подсчитав, удивился: «Как же так? Ведь победили-то мы!» Нет, не был Высоцкий таким идиотом и шкурником. А кроме того, приходится напомнить, что статья-то написана в 1989 году, на пятый год разгула бандитской демократии, когда уровень потребляемых народом калорий уже действительно резко упал. Тем более ныне...

Но наш аналитик упрям, как помянутое непарнокопытное: «В чем же дело? Ведь немцев тоже разбомбили...» Да, бомбили Берлин, Гамбург, Кёльн... При этом погибло около 500 тысяч человек. Но Красная Армия прошла до Берлина, и только. Англо-американцы шагали по немецкой земле почти без сопротивления. Так что разрушений было не столь уж много. А по советской земле каток войны прокатился дважды, и в обоих случаях – с яростными боями, более двадцати городов по несколько раз переходили из рук в руки. Ничего подобного не было в Германии. Это соображать надо, а не лепетать, что бомбили нас и бомбили их.

«Но ведь немцев тоже разграбили... Мы вывозили у них все, что могли, все, что уцелело: станки, заводы...» А как же было не вывозить пусть даже и устаревшие станки, заводы, чтобы хоть как-то возместить их 3—4-летний грабеж, доходивший до вывоза трамвайных проводов в Харькове и чернозема в Воронежской области. А главное – угон миллионов рабов на свои заводы и фермы. С какими станками это можно сравнить? Вы-то с Дейчем где тогда были? Вот бы вас для просвещения к Ильзе Кох. А Красная Армия, придя в Германию, кормила из походных кухонь не только детей...

* * *

И вот мы дошли до главного. Трудно поверить, но это так: еврей обеляет Гитлера, еврей горько сожалеет, что фашисты не победили, еврей признается, что хотел бы жить в нацистском рейхе вместе со Швыдким.

Что же он выискал у Гитлера приличного? Да как же, говорит, во-первых, он был человеком открытым, откровенным: прямо, публично объявил, что уничтожит евреев и других. Рубаха-парень! Во-вторых, да и сколько он уничтожил-то? «На счету Гитлера максимум (!) 15

миллионов». Это как? Ну, видимо, прежде всего, 6 миллионов евреев, да? 4,5 миллиона немцев, погибших на советском фронте. Остальные – потери его сателлитов. Так, что ли? Позволь, жучок, а названные тобой 35 миллионов советских людей? Ах, советских? «Наши военные жертвы – целиком на счету Сталина». Значит, не говоря уж о бандитском нападении и развязывании войны, но и к расстрелам наших пленных, к душегубкам, к Бабьему Яру, к Освенциму ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Эйхман никакого отношения не имеют. Да не почтить ли вам их память выпуском специального номера «МК»? Предложите Гусеву.

И вот главный вопрос минкинской жизни: «А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин победил Гитлера, а наоборот – Гитлер Сталина?» Это еще в форме вопроса. Но дальше уже без вопросительного знака: «Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР». И наконец, решительное утверждение, радостное восклицание: «А еще лучше, если бы Германия победила СССР в 1941 году!» Но, черт бы их побрал, «гитлеровские оккупанты упустили шанс привлечь сердца людей. А это было так просто!» Неужели? Да! Надо было всего лишь назначить Минкина на место Геббельса, и он бы привлек сердца людей.

И представьте себе, это не приступ эпилепсии, он пускается в рассуждения: «Ведь в 1945 году погибла не Германия, погиб фашизм. Аналогично: погибла бы не Россия, а режим».

Ну что лепечет! «Аналогично...» Еще 23 февраля 1942 года, в труднейшее для нас время, Сталин сказал: «Было бы смешно отжествлять клику Гитлера с немецким народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, а государство германское остаются». А ведь иначе думали и Черчилль и Рузвельт. Еще на Тегеранской конференции первый заявил, что после войны Пруссию следует изолировать от остальной Германии, из которой надо будет образовать «Конфедерацию дунайских государств» (А. Уткин. Цит. соч. С. 90). Рузвельт считал, что «Германия была менее опасной для цивилизации, когда состояла из 107 провинций» (там же). И потому сперва считал нужным «раздел Германии на три отдельных и независимых друг от друга государства» (там же, с. 87), а в Тегеране «предложил Сталину и Черчиллю создать уже пять государств на немецкой земле плюс два самоуправляемых региона» (там же). И только «дядюшка Джо» твердил: «А народ немецкий, а государство германское остаются». Так что немцам беспокоиться за свое будущее не приходилось.

Тысячелетнее фашистское рабство? – продолжает умствовать Минкин. «Это – миф, это ложь, подsunутая сталинской пропагандой». И дальше: «Согласитесь, ведь тысячелетний рейх это бред. Гитлер не мог прожить 1000 лет, даже сто». Вот создание, а?! Да кто ж тебе говорил, что Гитлер собирался жить тысячу лет! Ведь и ты не проживешь тысячу, даже сто, а помнить тебя как небывалое явление русской земли будут лет триста, ну, в крайнем случае, пока существует «МК» и жив Гусев. Помнят же тысячу лет Святополка Окаянного, убийцу трех братьев, с помощью поляков в 1018 году захватившего Киев.

«Долго ли смогли бы фашисты удерживать Европу?» – опять вопрошает окаянец. И у него опять наготове историческая аналогия: «Мы же не удержали Афган». Лапочка, Афганистан мы и не думали «удерживать», нас не выперли оттуда, как американцев из Вьетнама, а мы ушли сами по решению правительства с развернутыми знаменами. Но у него еще примерчик как раз об этом: «Американцы с Вьетнамом не справились, а уж какой перевес и в числе, и в технике». Правильно, малыш, но вьетнамцам помогал могучий Советский Союз. Ранее в Северной Корее наши летчики сбили 1309 американских самолетов, а позже во вьетнамском небе главным образом нашими летчиками было сбито более четырех тысяч оклахомцев и пенсильванцев. А кто помог бы поверженной России? Ведь гитлеровская агрессия была в сущности крестовым походом против нас всей Европы.

Но мыслящий лопух полон оптимизма и точно знает, что в 1948 году Гитлер умер бы и фашистский режим в оккупированной России рухнул. Однако же ему очень хотелось бы

до этого срока пожить при фашизме. Ах, какая досада, что не удалось! Помешал проклятый Сталин да и родной дед Александр Давидович, погибший в боях под Моздоком.

* * *

Как раз в эти дни, когда Минкин на страницах «МК» негодовал и ликовал, умствовал и холуйствовал, клеветал на нашу Победу и плевал в лицо своему деду, как раз в эти дни бывший первый заместитель министра иностранных дел, депутат Госдумы Юлий Квицинский как будто специально для него опубликовал в «Советской России» большую статью «А если бы победил Гитлер». Автор напоминает много фактов, цифр, программных заявлений.

Например, Гитлер о России еще в 1923 году: «Это громадное государство на Востоке созрело для гибели. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением расовой теории». Он же 3 марта 1941 года, выслушав доклад Кейтеля о плане «Барбаросса»: «Предстоящая кампания это конфликт двух мировоззрений. Недостаточно будет разгромить вооруженные силы противника. Вся территорию России нужно разделить на ряд государств».

Может, вы думаете, Минкин, что Гитлер создал бы и еврейское государство, где вы могли бы стать министром пропаганды? В таком случае Ю. Квицинский напоминает вам: в одном лишь Освенциме были уничтожены тысячи и тысячи евреев. А Гитлер давал такое указание военному командованию: «Необходимо устранить еврейско-большевистскую интеллигенцию...» Так что вы лично, Минкин, подлежали устранению по всем трем пунктам: как и еврей, и большевик, и интеллигент гусевской породы.

Геринг в ноябре 1941 года: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов. Может быть, даже хорошо, что так произойдет: ведь некоторые народы необходимо сокращать». И позже: «Многие миллионы станут лишними на территории России». Тут никак нельзя не вспомнить, нашего доморощенного Геринга, рыжего и конопатого. Он однажды сказал своему сотруднику по Госкомимуществу, который возмущался пагубными реформами: «Что вы так переживаете? Да, миллионов 30 вымрет. Но они сами виноваты: не вписались в наши прогрессивные реформы». Примечательно, что из двух цифр того Геринга «от 20 до 30» этот Геринг взял вторую. И ведь тот-то говорил о чужих, а этот – о соотечественниках.

* * *

Да, дед Александра Минкина погиб в 1942 году под Моздоком. Тогда там шли жестокие бои. Вместе с немцами были и союзники их – итальянцы. Михаил Светлов в те дни написал знаменитое стихотворение «Итальянец»:

Молодой уроженец Неаполя,
Что оставил в России ты на поле?
Нашу землю – Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?
Разве Среднего Дона излучина
Итальянским ученым изучена?
Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком,
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!
Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,

Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля.
Здесь я выстрелил.
Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не понять в переводах.
Я не дам мою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю. И нет справедливости
Справедливее пули моей!

В 1964 году Светлов умер. В ленинградском журнале «Звезда» я тогда напечатал статью «Незаменимый» – о нем.

Вы не бойтесь, Минкин, что, прослышав о вашей статье, Светлов встанет из гроба, придет в «Московский комсомолец», где когда-то печатался, и, соблюдая субординацию, зайдет сперва к Гусеву, потом к вам, соплеменничку, и, вклеив обоим по оплеухе, заберет вас с собой на Ваганьковское? Да, он тут был бы незаменим.

Среди моих однополчан были на фронте лейтенант Эткинд, старший сержант Беркович, повар Роберман, которого все жалели: в Белоруссии немцы расстреляли его семью.

Ныне нас, ветеранов, уже мало осталось. Мир праху ушедших, в том числе и помянутых. Но все-таки слава богу, что они не дожили до нынешнего «Московского комсомольца» и неведомо им, что под руководством Павла Гусева вытворяют на его страницах Марк Дейч и Александр Минкин...

Сталин и война. Минное поле клеветы

Очередная годовщина со дня смерти Иосифа Виссарионовича Сталина была отмечена широко. По всем основным каналам телевидения 5 марта прошли большие передачи. НТВ и ЦЕНТР захватили даже и следующий день. Общее впечатление: многие теледеятели осознали, наконец, невежество, тупость и гнусную лживость таких авторитетов, как Радзинский, Володарский, Розовский, и в этот день не допустили их до экрана, а ведь они, поди, рвались. Привлекли людей, еще лично знавших вождя – его приемного сына Артема Федоровича Сергеева, увы, недавно скончавшегося, сотрудников охраны Новикова, Кузнецова, генерал-лейтенанта Левашова и других людей, трезво и здраво смотрящих на великую историческую фигуру. Они спокойно и убедительно говорили о Сталине. Словом, господа присяжные заседатели, лед тронулся.

Но, откровенно говоря, мне лично без антисталинистов, сталинофобов и сталинофагов уже скучно. Ведь как занятно было смотреть на их перекошенные злобой мордашки, на ужимки, приплясывания и гневные антраша, как уморительно было слушать их полоумный бред. И ведь это с хрущевского почина пятьдесят годочков кряду! И все по возрастающей! Да нет, надо начинать еще с Троцкого. А Лев Давыдович – это ж фигура! Мыслитель, теоретик, живодер...

Да, говорю, не хватало мне этих антропофагов. Я подумал: ну, почему бы для разрядки не выпустить на экран, допустим, критика Станислава Рассадина. Он бы прочитал строки Пастернака о Сталине:

А в эти дни на расстоянии
За древней каменной стеной
Живет не человек...

Тут он прервал бы цитату и разъяснил нам, как читателям «Новой газеты»: «Поэт сказал о Сталине главное: не человек!» Правда, там продолжается так:

...Живет не человек – деянье,
Поступок ростом с шар земной.

Но Рассадин из тех критиков, которые считают: не важно, что написано, главное – как процитировать.

Похожее изречение приписывают именно Сталину. Последний раз я слышал его в дни президентской предвыборной кампании из уст министра сельского хозяйства Гордеева: «Сталин говорил: «Не важно, как проголосуют, главное – как подсчитают». Я сильно подозреваю, что этот министр в жизни своей ничего слаще репы не едал и долгие годы держал свои могзовые извилины на голодном пайке.

Во-первых, за Сталина, за Советскую власть всегда голосовали, как недавно в Мордовии за Медведева: 97—98%. Так что хитрить и жульничать, как в Мордовии, просто не было никакой необходимости. А вспомните референдум о единстве Советского Союза: за – 76%! Эффект повыше медведевского.

Во-вторых, Сталин был поумнее вечно унылого Алексея Гордеева и если бы так действительно думал, то никому бы этого не сказал. В отличие от нынешних кремлевцев он не дурил головы с помощью таких диких слов, как транспарентность и т. п.

Хорошо было бы послушать в эти дни еще и писателя Дмитрия Жукова. Он мог бы повторить увлекательнейшую историю, в год юбилея Победы рассказанную читателям «Литгазеты».

Когда, говорит, Сталин летел на конференцию в Тегеран, где его ждала встреча с Рузвельтом и Черчиллем, то за его самолетом плелся по небу большой дирижабль, а под ним болталась на ремнях большая дойная корова.

Что такое? Зачем? А, видите ли, говорит, Иосиф Виссарионович очень любил утречком выпить стаканчик парного молока. Вот и везли. И так убедительно Жуков об этом рассказал, словно сам эту корову и доил, сам и молочком товарища Сталина угошал: «Иосиф Виссарионович, не угодно ли?» А когда конференция кончилась, корову опять привязали к дирижаблю и поволокли в Россию. Ну, не персам же оставлять! Товарищ Сталин был человеком образованным, помнил, что эти персы Грибоедова растерзали.

Я тогда написал Жукову письмо: дескать, старик, а что дальше-то с коровой было? Он почему-то не ответил. А я так думаю: прибыв в Москву, Сталин сказал: «Дима, когда прилетит дирижабль, возьми ты эту буренку себе. За доблестную службу отечеству награждаю тебя медалью «За боевые заслуги» и прилагаю к ней дойную корову. А у меня еще есть. Время трудное, пригодится». И действительно, Жуков взял корову, и на ее молоке взрастил своего сына Сашеньку, расторопный мальчик вырос, мы вот уже лет пятнадцать созерцаем его в роли вице-премьера ельцинско-путинского правительства. Ах, как жаль, что мы не услышали еще раз эту милую историю!

* * *

Можно было бы 5 марта предоставить слово и Андрею Фурсову, историку, и Валентину Белоконову, технарю, как он сам себя представляет, из журнала «Политический класс», который ведет Виталий Третьяков, знаток золотой латыни.

Для этих «классиков» характерно, что Сталин у них – «вождь народа» в кавычках; сталинский гений – «пресловутый»; «империалистические державы» – тоже в кавычках. Все, мол, это советская пропаганда. А вот антисоветчики Солоневич, Иван Ильин – это для них большие авторитеты.

Начинают «классики» с суровой претензии к вождю народа: «Почему Сталин как бы не заметил гибели 17 тысяч жителей Белграда под немецкой бомбежкой 6 апреля 1941 года?» Ишь, какая даль их заботит, спать не дает. А не приличнее ли задать вопрос: «Почему совсем недавно Ельцин и его преемники как бы не заметили еще страшнее бомбежку того же Белграда? Почему и усом не повели при захвате американцами Афганистана? Почему бандитский разгром Ирака был назван всего лишь «ошибкой»? «Классики» молчат...

Но зато мы могли бы услышать от них, как «пресловутый сталинский гений нацелился на раздел Британской империи», как Сталин рвался в Антикоминтерновский блок, т. е. мечтал антисоветскую ось Берлин – Рим – Токио дополнить советской Москвой. Ну, совершенно так же рвался, как ныне русофоб Ющенко – в НАТО. И ради этого Сталин, оказывается, готов был даже «ударить по Британии» – для начала разбомбить Скапа-Флоу, главную базу английского флота.

Вы, читатель, вероятно, скажете: «Хватит заливать-то! Где доказательства?» Где? А вот они: был создан самолет АНТ-58 (Ту-2), который мог долететь до этого Скапа, – какие вам еще доказательства? А подводные лодки строили, а крейсера класса «Чапаев» для чего, как ни для нападения на Англию.

Технарь все обосновал и даже подсчитал: «В глазах стратегов Коминтерна, готовивших избавление мирового пролетариата от оков империализма, эта база не могла не фигурировать в качестве важнейшей цели». И тут же неопровержимые математические выкладки: дальность полета Ту-2 – 4200 км, а от Мурманска до этого Шкапа – 2000. «Совпадение вряд ли случайно». То есть можно долететь, разбомбить и вернуться. И вот говорит: «Сталин, Берия и Молотов ждали из Берлина одобрения участия наших ВВС в ударе по Британии». А на дворе-

то, как можно понять, стоял еще только 1936 год, Берия сидит пока в Тбилиси. Но ждали-ждали весточки – не дождались: «Гитлер пренебрег...» Фу-ты ну-ты! Какой гордец... Любопытно, а в скольких километрах от средней школы жил технарь и посещал ли ее в свое время?

Очень интересно насчет Скапа-Флоу! Однако никаких доказательств того, что Сталин сидел и ждал весточки от фюрера, технарь не дает, как и свидетельств пылкой любви Сталина к Антикоминтерновскому пакту, – их нет. Зато технарь приводит слова, будто бы сказанные А.Н. Туполевым в апреле 1939 года: «Наш главный противник – Англия со своим мощнейшим флотом, который вполне можно разгромить с воздуха». Ну, если Туполев действительно так думал и говорил, то простим это гению: он не политик, не философ, а конструктор самолетов. Но все же крайне сомнительно, что умный образованный человек и в 1939 году еще не понимал, кто наш главный враг. Хотя, конечно, с воздуха можно разгромить многое, например, – журнал «Политический класс».

Так что же получается из слов технаря? Получается странное дело: громить Скапа-Флоу собирались не Сталин, не «стратеги Коминтерна», а Анатолий Николаевич Туполев и никто больше.

О Коминтерне же и его «стратегах» технарь живет представлениями 20-х годов: в конце 30-х они никакой роли уже не играли, о мировой революции молчали и вскоре были прикрыты.

А что Англия? Ее прогитлеровская политика умиротворения, венцом которой был мюнхенский сговор, представьте себе, была «не ошибкой и не глупостью. То был курс на сохранение Британской империи». Ах, какой свежий взгляд, мать твою за ногу! Нет, господа мыслители, политика эта была глупостью, трусостью и шкурничеством. Ее глупость доказывается уже тем, что Британская распрекрасная империя после войны приказала долго жить. Остальное в доказательствах не нуждается. И все произошло без коварных сталинских бомбежек Скапа-Флоу.

Поразительно, что об этих фантастических «ударах по Британии» возвещается ныне, когда стало достоверно известно о запланированной Черчиллем на 1 июля 1945 года операции «Немыслимое» – удару по Красной Армии в Германии. Справьтесь у Фалина.

* * *

И вот что еще крайне интересное сообщают нам три классных мудреца. «Хотела ли мировой войны американская правящая верхушка второй половины 30-х годов? Безусловно... Война была необходима для США... Рузвельт не только знал о готовящемся нападении японцев на Перл-Харбор, но провоцировал его». То есть плевать ему было на гибель более трех тысяч моряков, 8 (а не 4, как уверяет один «классик») линкоров, 6 крейсеров (даже не упомянутых им), 272 (а не «почти двухсот») самолетов – Рузвельту лишь бы война началась. Так ведь это предатель, а не президент! Почти как наш Ельцин. (Кстати, классик, Перл-Харбор это не 4, а 7 декабря 1941 года). К тому же: «Хотел ли мировой войны Сталин? Теоретически – да». А цитаткой Ильина тут же уверяет – и практически. Оказывается, только «Германия не была готова к мировой войне и воевать всерьез после захвата Польши не собиралась».

Господи Боже мой, да почему до сих пор всех троих этих классиков не объявили «Лучшими немцами» и не выдали, как Горбачеву, какую-то морковку? Мало того, что к западной клевете на нашу родину они измыслили новые вороха малограмотного вздора, но еще и Гитлера наделили белыми крылышками.

Объяснили бы, почему же этот миротворец, «не собиравшийся воевать всерьез», но через восемь месяцев ударил по хлопавшим ушами французам, англичанам, бельгийцам и в несколько недель раздолбал их. Разжевали бы, почему сразу после разгрома Франции уже 21 июля 1940 года Гитлер распорядился составить план «Барбаросса». Или вы об этом плане ничего не слышали и не знаете, о чем он, или он был составлен не всерьез, а в шутку, как нацпроект Медведева по сельскому хозяйству? Оказывается, во всем виноват не Гитлер, а, видите

ли, госпожа Ирония: «По иронии судьбы руководитель государства, в 1939 году хуже других готового к мировой войне, развязал ее». Бедный Адольфик!..

О предвоенном времени один пишет в духе Волкогонова, как о «союзе между Гитлером и Сталиным», второй в духе Радзинского – как о «дружбе с нацистской Германией». Да, мыслители, это был «союз», это была «дружба» – с ножом за голенищем у обоих.

О нападении фашистов на «союзника» и «друга» один пишет, как известный Правдюк: «немцы нарушили (!) советскую границу». Второй – о всей Великой Отечественной войне: «советско-германский конфликт», в ходе которого, уверяет, Геринг даже дал приказ не бомбить авиационные заводы. Господи, да где ж ты, всезнайка, раньше был? Я как раз в начале войны работал на авиационном заводе № 266 им. Лепсе в Москве на Мочальской (ныне им. Ибрагимова) улице. И мы-то, дураки, эвакуировали завод в Киров. Ведь сколько трудов, какие мытарства! Кабы знать нам о деликатности висельника Геринга...

А вот как подается разгром немцев, наша победа: «СССР перетер (!) своим пространством и людской массой вермахт». Какой битый фриц не подписался бы под этими словами? Пространство – это политая нашей и немецкой кровью советская земля, масса – это миллионы погибших в боях бойцов Красной Армии и миллионы истребленных мирных граждан. Нет, нет, это лучший из лучших немцев! Хотел бы я видеть его в роли той «терки».

Да еще вот что: «Без СССР в 1945 году США не одержали бы таких блистательных побед». Ну, пособили мы им, поддержали, на подхвате были, и только. Об этом и уж такой игривый картежный подзаголовочек к статье – «Советско-германский покер в американском проферансе». Товарищ Третьяков, неужели и здесь не охватило вас желание бросить в корзину сочинения этих умствующих инфузорий?

А какие блистательные победы были у американцев в 1945 году? Немецкие войска расступались перед ними да сдавались в плен. О, дайте срок, эти историки да технари скоро будут уверять, что Берлин-то взяли американцы! И у них еще поворачивается язык лепетать: «Я как русский...»

* * *

Да, жаль, что всех этих антисоветчиков да сталинофагов не выпустили на экраны для потехи публики, но моя тоска по ним была вполне удовлетворена 6 марта во время главного события этих дней – поединка на НТВ Александра Проханова и Николая Карловича, последнего из династии Каролингов, начало которой в VIII веке положил Пипин Короткий.

Когда я включил НТВ, голосов телезрителей за сталиниста Проханова было почти на 8 тысяч больше, чем за потомка Пипина Короткого.

Поединок напомнил мне давний фильм «Перед судом истории». Его главным героем был известный русский националист, депутат Думы, принимавший участие в процедуре отречения царя Николая, Василий Витальевич Шульгин. Я познакомился с ним в 1967 году в Гаграх, в Доме творчества. Они с женой сидели в столовой за соседним столиком. Меня, конечно, распирало любопытство, и я нашел повод заговорить. Познакомились. Порой после завтрака мы прогуливались по набережной, к нам присоединялся и упоминавшийся Дмитрий Жуков, тогда еще не подаривший «Литературке» сталинскую корову.

Шел год 50-летия Октябрьской революции и, естественно, беседы наши касались и этой темы. На наши распросы, как он смотрит на все то, что видит вокруг, он отвечал: «Мы, русские монархисты, хотели видеть Россию могучей и процветающей. Большевики сделали ее такой. И это меня с ними мирит». Что ж, мудрый старик. Ему было тогда девяносто лет, и я впервые в жизни видел человека такого возраста. Следующим повстречавшимся мне долгожителем был Лазарь Моисеевич Каганович, к которому я попал на его последний день рождения в 1991 году, когда ему исполнилось 98. Помню, он особенно призывал быть бдительными по отношению к

Гавриилу Попову. Чубайса, Немцова, Собчака, кажется, еще не было на горизонте. Впрочем, это другая история.

А фильм «Перед судом истории» строился как беседа в разных интерьерах, в том числе в недавно построенном Дворце съездов, Шульгина с каким-то историком, возможно, это был отец Сванидзе, секретарь парткома Политиздата.

И вот перед нами был человек, за плечами которого десятилетия бурной политической деятельности, долгие годы эмиграции, крушение монархических идеалов, несколько знаменитых книг и несколько лет во Владимирском центре, да еще отличный русский язык и благородные манеры, а против него – нечто безликое, безмянное, скучное с языком политброшюр. Разумеется, все человеческие симпатии были на стороне Шульгина. Фильм, как идеологическую диверсию, вскоре сняли. Может быть, по докладной записке одного из Каролингов.

Вот и теперь. Передо мной был широко известный талантливый писатель, главный редактор острой и яркой газеты, человек богатейшей биографии, свидетель и участник многих военных конфликтов в разных углах планеты, он говорил так убежденно и страстно, словно от этого зависела его жизнь, а против него стоял и что-то бубнил облысевший и поседевший на вранье карлик ельцинской демократии, за спиной которого не было ничего, кроме коридоров Политиздата (когда папе носил обед) и телестудий. Но сопоставьте его еще и с Шульгиным. Тот, будучи одним из первых воителей против Советской власти, еще и отведавший по милости коммунистов тюряги, примирился с ними, а этот, всю жизнь жвавший по три советских пирожных сразу, все проклинает ее. Ну, конечно же, это болезнь, патология, хроника. И уже, видимо, лечение бесполезно...

А Проханов опережал противника уже на 15 тысяч голосов...

* * *

Но что же этот бурбон бубнил? Господи, да все то же! «Сталин перетрусил в начале войны...» И знать, со страху к должности Генсека и главы правительства в первые же недели взвалил на себя посты председателя Ставки, наркома обороны и Верховного главнокомандующего, т. е. взял полную ответственность за судьбу страны.

«Немецкие потери в пять раз меньше советских!...» Будто не знает попка, что немцы намеренно, сознательно, по плану уничтожали мирное население, а мы спасали от голода и немцев, и поляков, и венгров... «Александр Солженицын, которому однажды загнали раскаленный шомпол в задний проход, свидетельствует...» Да не ему загоняли-то, а одной ныне вдовствующей тувинке, и не в задний, и не однажды, и не шомпол, хотя, конечно, и раскаленный... Почитайте хотя бы книгу Александра Островского о Солженицыне «Прощание с мифом», на худой конец мою – «Гений первого плевка». Там все сказано о шомполах.

Тут получила слово одна из судий – высокая русская красавица, чем-то напоминающая Аллу Гербер. Она негодовала: «До сих пор многие важнейшие документы о репрессиях засекречены!» Однако по памяти называла номера каких-то приказов, цитировала какие-то директивы – да откуда взяла при такой засекреченности? Кроме того, красавица не соображает, что в стране произошла антисоветская контрреволюция и ее творцы, а также их подпевалы Каролинги используют любую возможность, чтобы опорочить Советскую эпоху и ее деятелей. Вот свежайший пример.

8 марта один из помянутых творцов, справедливо осуждая некоторые страны за признание независимости Косово, сказал: «Они следуют по пути Советского Союза, где признавалось право наций на самоопределение вплоть до отделения!» Дескать, ха-ха, следовать советскому примеру – ничто не может быть глупей и позорней. Даже ради праздника не мог удержаться.

Ему неизвестно, что во всем мире умные правители взяли многое из уникального исторического опыта его Советской родины, презираемой им. По своей должности он обязан знать

бы, что право-то на отделение признавалось, но ведь при четких конституционных условиях. Во-первых, численность нации должна быть не меньше миллиона человек. Во-вторых, нация должна иметь внешнюю границу. Наконец, обязателен был плебисцит.

В соответствии с этим, например, Эстония, где эстонцев было около 900 тысяч, долгие годы не имела права выхода. А Татарская Республика, Чувашия и Мордовия, Чечено-Ингушская АССР и обе Осетии не могли иметь его никогда.

А ваши воспитатели Горбачев, Ельцин да Собчак безо всяких плебисцитов распахнули ворота перед националистами Прибалтики и других республик. Вот о чем вам сказать-то надо бы, учитель. А вы все пилите советский сук, на котором двадцать лет сидели, свесив ножки.

И ведь не приходит ему в светлую голову вопрос: «И какая же нация за 75 советских лет воспользовалась правом на отделение?» Представьте себе, ни одна. Нигде и разговоров об этом не было. Хотя еще очень давно и ставился вопрос, например, в Абхазии о выходе из Грузии и присоединении к РСФСР.

А при вас все разбежались, вернее, вы сами всех разогнали, ибо за сохранение Союза, как уже упоминалось, прологосовало 76%, но вы наплевали на волю народа. А теперь вопрошаете – хоть плюй в глаза: «Кто спросил чехов, кто спросил поляков, хотят ли они иметь на своей земле американские базы?» Никто. А кто спросил русских, хотят ли они ликвидации нашей базы на Кубе? Кто спросил татар и чувашей, хотят ли они ликвидации нашей базы во Вьетнаме? Кто спросил армию, хочет ли она, чтобы ею командовал специалист по двуспальным пружинным кроватям? Кто спросил писателей, артистов, художников хотят ли они иметь министром культуры малограмотного провокатора с такой малохудожественной ряшкой?..

Я взглянул на табло: Проханов обгонял антропофага уже почти на 20 тысяч голосов...

* * *

А мадам, похожая на Аллу Гербер, страдала: «Знайте, господин Проханов, все ваши выступления, превозносящие Сталина, фиксируются, документируются, копируются. И придет час, когда вы ответите за все!» И было не ясно – перед кем? Перед ЦРУ, что ли? Да уж это была не Карла ли дель Понте?

Тут возник ведущий передачи, сам товарищ Соловьев, с вопросом к Проханову: «Какая разница между Сталиным и Гитлером?» Не помню, что ответил Александр, но я бы возмутился идиотским вопросом: «Как это какая разница? Сталин есть Сталин, а Гитлер – жертва культа личности. Это все знают. А вот Соловьев и Соловей-разбойник, Одихмантьев сын. Какая тут разница? Ведь оба за свои проделки заслуживаете булавы Ильи Муромца, но один ее уже получил, а когда получит второй?»

Жена чем-то отвлекла меня от телевизора, а когда я вернулся, на табло светился перевес в пользу Проханова уже в 23 тысячи голосов. Ведущий должен был бы прекратить поединок за несоответствием весовых категорий дуэлянтов и за явным преимуществом Проханова над Каролингами. Но Соловьев этого не сделал, у него свой хитрый расчет. Ведь бригаду судей он всегда подбирает из своих демократов. Поэтому очень часто у него вовсе не поединок, а у одного патриота шесть противников: тот, кто у барьера, четыре судьи и сам Соловьев. Как правило, подобранная им бригада в глазах телезрителей терпит крах, но это ничуть не смущает ведущего, и в следующий раз он сформирует такой же отряд. Ну разве это не заслуживает булавы!

Слово получила внучка знаменитого кукольника Сергея Образцова. Он девяносто лет прожил в согласии с фамилией образцовым советским гражданином, которого власть осыпала милостями: народный артист, лауреат Сталинской и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда, пять орденов Ленина – и вдруг на 91-м году скурвился: «Ненавижу Советскую власть! Слава освободителю Ельцину!» И тут же преставился.

Внучка выступила вполне в духе свихнувшегося дедушки.

И вот – конец! У Проханова перевес в 25 тысяч голосов. По-моему, такого никогда не было. О чем это говорит? Народ проснулся. Поняли, свободы, гения и славы палачи? Это был Божий суд, наперсники разврата! Беги, Сванидзе, к Анпилову, выпроси у него майку с портретом Сталина.

* * *

А в самом конце минувшего года ТВ закатила многосерийную телепередачу «Большой театр товарища Сталина». Автор – Боровик Генрих Авиэзерович, именующий себя Аверьяновичем. Он начал с того, что вот, мол, наша молодежь уже и не знает, пожалуй, кто такой Сталин, поэтому я кое-что напому из биографии нашего диктатора...

Господи, как человек оторван от реальности! Да ведь вот уже почти пятьдесят лет его единомышленники от Хрущева до Радзинского на телевидении, в газетах, издательствах, в кино только тем и заняты, что долдонят о Сталине. Все обсосали, все оболгали, все извратили...

А с большим запозданием в ответ на потоки лжи принялись за дело и те, кто хочет, чтобы народ, особенно молодежь, знал правду о Сталине. Недавно зашел я в большой книжный магазин «Москва» на улице Горького. Так там целые стеллажи забиты новыми книгами о Сталине, как русскими, так и иностранными. Ему при жизни не могло и присниться столько книг о себе. Причем иные, как, например, «Сталин» Ю. В. Емельянова, «Сталин в жизни» Е.Н. Гусярова, «Сталин. Уроки жизни и деятельности» С.Н. Семанова, «Рядом со Сталиным» Г.А. Куманева изданы прямо-таки роскошно: золотое теснение, золотой обрез, обилие прекрасных фотографий, научный аппарат да некоторые еще и в двух томах. И эти книги раскупают. А по соседству лежат два серых тома «Двести лет вместе» лютого сталинофоба и коммунофага Солженицына, уже несколько месяцев лежат. На днях увидел по телевидению: и в Минске лежат на книжных прилавках. Так и будут лежать лет двести

Словом, Боровик и его заединщики добились своего: возникла и все ширится подлинная сталиниада, притом всемирного характера. А вот кто такой сам Боровик, молодежь, пожалуй, действительно не знает. Откуда! И есть смысл кое-что поведать.

* * *

Генрих Аверьянович Боровик, член КПСС с 1953 года (вероятно, вступил в дни всенародной скорби о Сталине) – фигура грандиозная. Родился он в упомянутом Минске, но высшее образование получил, конечно, в столице – окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Потом в этом блатном вузе учился и его сын. Как иначе!..

Сразу после окончания института, повторю, юный Генрих рванул в партию большевиков и начал энергичную литературно-карьерную деятельность, в чем много преуспел. Сперва устроился в престижный «Огонек», потом стал корреспондентом не менее престижного агентства «Новости» и обозревателем на радио и телевидении, – ну, это уж вообще!...

В качестве корреспондента объездил весь мир, кроме Занзибара. Одновременно еще до нынешней демократической катавасии сочинил и издал десятка два замечательных книг, да полдюжины замечательных пьес, да не меньше замечательных киносценариев. Вы, читатель, все их, конечно, помните: «Человек с Пятой авеню», «Человек перед выстрелом», «Человек после выстрела» и т. п. В самом деле, как можно забыть, допустим, замечательный роман «Пролог» хотя бы по той причине, что Н.Г. Чернышевский свой роман под таким же заглавием закончить и опубликовать не смог, Генрих же Авиэзерович опубликовал, и мы ночами стояли

в очередях за его романом. А пьесы «Агент 00», «Весна в Лиссабоне», «Осень в Вашингтоне», «Зима в Буэнос-Айресе», – забыть ли, с какой страстью там обличался «американизм»!

И вот уже он не только член Союза писателей, но и секретарь его правления, председатель Советского и вице-президент Всемирного комитетов защиты мира да еще и главный редактор журнала «Театр», который в надлежащий срок он передаст в надежные руки Михаила Швыдкого, матерого культуртрегера и защитника материны. Позже был председателем какой-то не то Федерации, не то Ассамблеи мира и согласия, главным редактором таинственного журнала «Passport to the New World», членом Правления загадочной Внешнеполитической Ассоциации и, конечно же, еще был и нардепом СССР. Словом, этим ассоциациям, федерациям, как и публикациям, нет числа в бурной жизни титана Боровика...

Как из рога изобилия сыпались на Боровика дары советской власти: две Государственные премии (1977 и 1986 гг.), премии им. А. Толстого, им. Воровского, кажется, еще и Циолковского. Даже болгары выдали ему свою Государственную премию. За что? Не знаю. А какие ордена! Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, Дружбы народов... Как у Горбачева. Не получил, разве что, лишь орден Подвязки да титул барона.

Как же человек всего этого достиг? Главным образом, конечно, благодаря таланту беспощадного разоблачителя американского империализма. Похлеще Познера лютовал! Но не только в этом дело. Ему помогали широко шагать, обильно загребать и такие, например, штучки. Идет большое собрание московских писателей. Звучат вдохновенные речи: «Перестройка!»... «Ускорение!»... «Новое мышление!»... Берет слово Генрих Аверьянович: «Да, да, всем нам надо перестраиваться, надо мыслить по-новому. Но, к счастью, есть среди нас человек, которому не надо перестраиваться, он давно перестроился, он всю жизнь думает и пишет по-новому. И нам остается только брать с него пример...»

Все замерли: о ком это он? А Боровик со счастливой улыбкой обращается в сторону председателя Союза писателей Г.М. Маркова и радостно восклицает: «Этот человек – наш дорогой Георгий Мокеевич, живой классик, дважды Герой и член ЦК!...»

А взять его выступление на XIX партконференции. Сколько в ней было хвалы руководству партии и страны, прежде всего в лице Горбачева! Наша родина, говорил Боровик, подобна самолету, который так долго сидел в болоте, что весь проржавел. Но вот благодаря необыкновенному мастерству Первого пилота самолет помчался по трясине и взмыл в небо. Чудо чудное! Диво дивное! И теперь «нам надо перестраивать самолет на лету, чтобы сделать его первоклассным!»

Представляете? На лету! Как в невесомости. Именно за такие речи Горбачев давал высокие посты и большие награды.

* * *

Боровик особенно усердствовал на телевидении в разоблачении империалистов вместе с Валентином Зориным. Но у того хватило ума теперь не высовываться, а этот вот переключился на разоблачение Иосифа Виссарионовича и выдал многосерийную телепередачу.

Генрих Авиэзерович и в молодые-то годы не особенно отличался своеобразием и свежестью умственных усилий, а уж теперь-то, когда ему идет восьмой десяток... Не удивительно, что его передача явилась собранием чужих замыслов, бородатых баек о Сталине и о Советском времени. Начать хотя бы с заглавия и сюжетного стержня, с намерения представить Сталина «режиссером» политического театра. Даже Б. Илизаров отмечает: «Многие говорят о Сталине, в том числе наш известный драматург Эдвард Радзинский, как о ярком режиссере собственного политического театра». Да, ваш драматург Радзинский вместе со «многими» говорит о Сталине именно так. Вот и Боровик заодно с теми же самыми «многими», только просто «театр» он превратил в «Большой театр». И дальше у него все в духе единства или даже пря-

мого повторения того, что уже было у «многих». А «Большой» означает лишь возросшую степень лживости. Впрочем, Сталин и для Илизарова ведь только «один из героев, взобравшихся на сцену XX века».

Вот замшелая побрехушка о том, как то ли Ежов, то ли Берия решил арестовать Буденного. К нему на дачу явился вооруженные наряд.

А у Семена Михайловича еще со времен Гражданской войны и тачанок Первой конной стоял под кроватью пулемет «Максим» и ящик патронов в лентах. Он тотчас его вытащил, прочистил, смазал, вставил ленту, взгромоздил на подоконник и давай поливать свинцом пришельцев. Одновременно звонит Сталину: «Погибаю!» Гору трупов наколошматил. Только так и спасся. Откройте книгу драматурга Радзинского «Сталин» – вы это там найдете.

А вот побасенка о Рокоссовском накануне войны. «Привели его к Сталину. Тот не сказал «Здравствуйте!», а прямо: «Рокоссовский, что-то я вас не видел давно. Где вы были?» – «Я сидел в лагере, товарищ Сталин». – «Нашел время сидеть!»

Во-первых, Сталин не мог не поздороваться. Во-вторых, последний раз я видел эту заплесневелую лапшу в книге Б. Сарнова «Перестаньте удивляться». Ведь оба сочинителя не соображают, что Сталин до войны и не знал комдива Рокоссовского. Они уверены, что он так и родился знаменитым маршалом с орденом «Победа» и с двумя Золотыми звездами на груди.

Еще: «Сталин очень хотел быть российским вождем, русским царем, русским диктатором». И это вслед за Сарновым. Тот в данном вопросе даже пошел на подделку сталинской речи в связи с капитуляцией Японии. Но ведь нет же ничего странного, тем более предосудительного в стремлении нерусского руководителя страны, в которой большинство составляют русские, чувствовать себя русским и таким выступать перед всем миром. Это вполне понятно. Английский премьер Дизраэли, еврей, фигурировал как англичанин. Гораздо труднее понять, почему орденосеи и лауреат Авиэзерович именует себя Аверьяновичем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.